

Илья Першин

Так и будет?

Илья Першин

Так и будет?

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70250104

SelfPub; 2024

Аннотация

Эпоха, в которой единственной ценностью являются деньги, развита и масштабна, но обречена. Обречена на обрушение от бездуховной, а оттого и бессмысленной жизни населения. В какой-то временной промежуток жизни на нашей планете, образовывается единственное на Земле государство с особенной структурой управления, экономикой, цензурой, технологиями и валютой, и диктует свои правила в последней инстанции. Взамен оно предлагает всеобщую идею обогащения и избавления от насущных проблем. Молодой выпускник-экономист в один прекрасный день разочаровывается в общей идее и бросается искать другие истины сначала во сне, а потом и наяву. В отличие ото сна, наяву существуют ограничения информации, что усложняет процесс поисков. Что поистине управляет человеком? И где он найдет себя в чуждой ему среде? Постепенное знакомство с героями книги, их образом жизни и переменами в нем приведет нас к ответу...

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Чехлы	7
Глава 2. Сава	11
Глава 3. Таковы правила	15
Глава 4. Это он!	19
Глава 5. Утро	30
Глава 6. Экономические встречи	34
Глава 7. Единое Государство	43
Глава 8. Юпитер	48
Глава 9. Сколько денег заработал?	55
Глава 10. Совет	60
Глава 11. Правда	66
Глава 12. Несогласный	73
Глава 13. Первые шаги	76
Глава 14. Вален	85
Глава 15. Ликвид Протекшн	97
Глава 16. Антигосударственная ячейка	105
Глава 17. Положение	113
Глава 18. ОПЩ	121
Глава 19. Апрельский южный фронт	127
Глава 20. Свобода?	133
Глава 21. Лифт	134
Глава 22. Пограничное состояние	142

Глава 23. Старый знакомый	151
Глава 24. Матрица отделений	153
Глава 25. Ирония системы	158
Глава 26. Горный барс	169
Глава 27. С пятнадцатого	173
Глава 28. В неизвестном поселении	178
Глава 29. Продукты	181
Глава 30. Черный, серый, белый	184
Примечания и комментарии	190

Илья Першин

Так и будет?

Пролог

Экономика в наше время является чуть ли не главным понятием и наиважнейшей общественной наукой, объясняющей и контролирующей законы существования общества.

И это не удивительно – сферы ее «влияния» расширяются постоянно и безостановочно: как только появляется новое изобретение, научное открытие или любое другое новаторство, то в игру тут же включается экономика и начинает регулировать существование нового.

Даже грубое словосочетание «У всего есть своя цена» становится чуть ли не аксиомой, которая не требует ни доказательств, ни опровержения. И значение слова «цена» здесь не переносное, а самое что ни на есть прямое – бумажное и шелестящее. «Отцом» этого выражения, конечно же, является капитализм, который все больше и больше совершает попытки расширить свое влияние на Земле.

Возможно, идея капитализма, достигнув когда-либо своего апогея, обрушится под собственным же весом и давлением при помощи людей, мыслящих более свободно. И свобода этих людей будет заключаться в подчинении законам,

которые чужды идеологии капитализма.

Глава 1. Чехлы

Пьер очнулся в белой комнате, напоминавшей своим безмолвием снежный пик Эвереста, после своего очередного вхождения в Астрал.

– Опять не догнал. – обычный комментарий Пьера на свой контролируемый сон, в котором он из раза в раз пытается догнать Монаха на Тибете, знающего ответы на все вопросы... в том числе и на самый главный вопрос в жизни Пьера.

Налив ароматный кофе из кофеварки, щелкая пальцами, Пьер пытался придумать план, как ему за пять часов осознанного сна поймать Монаха-всезнайку в гористой местности Тибета. Глоток за глотком, мысли об этом растворялись, а голову занимала вышедшая на первый план реальность, в которой Пьер пребывал большую часть своей жизни. Часы прервали размышления – наспех одевшись, Пьер выскочил из квартиры и, не дождавшись лифта, сбежал вниз к двери подъезда.

Каждое утро, после «пика Эвереста» Пьер окунался в объемный нескончаемый густой и наглый информационный поток, давивший на все тело похлеще геомагнитной бури, проникая в каждую частицу тела и сознания. Информация во всех возможных видах окутывала его, как рой пчел, и с таким же пристрастием жужжала: гудки автомобилей сообщали свое недовольство, баннеры вещали о новых коллекциях

одежды и парфюма, люди гулом обсуждали всё, начиная от вчерашнего матча по футболу, закачивая политикой, администраторы хвалили свой кофе и зазывали в кафе... Невольно все внимание было направлено на впитывание ненужной информации, и на целевое использование сознания просто не оставалось времени.

Одно из немногих мест, где сознание немного освобождалось от густого инфопотока – это метро, в котором реклама была не такая размашистая и броская, по крайней мере в старых вагонах, а звуки прятались за одним единственным гулом от движения поезда. В отличие от городского шума, гул метро не создавал ощущения помойки – громкий однотонный звук движения, чередовавшийся ритмичным постукиванием колес. Главное, что он не нес в себе никакой информационной нагрузки, нагло пытавшейся прописаться в подсознании. Он больше подсознание оберегал, как большой зорб.

«Как же растили наших родителей без такого количества необходимых вспомогательных товаров?» – задумался Пьер, глядя на единственную рекламную наклейку о какой-то радионяне «Kids+». Судя по рекламе, без радионяни дитя не вырастет ни в какую!

Через десять минут бодрой ходьбы от метро Пьер заходил в крупное стеклянное здание Торгового центра, где находился офис компании, в которой Пьер имел честь работать менеджером по продажам «сверхновых, удобных и стильных»

чехлов для всего – телефонов, сидений, одежды, ручек, наушников и многого другого.

Компания использовала технологию, основываясь на свойствах Ньютоновской жидкости – при спокойном обращении с предметом, чехол был очень податлив, как пластилин, но при ударе по объекту, превращался в каменную непробиваемую стену, не допуская даже малейших царапин на объекте. Стоит ли говорить, что стоил такой чехол немало, но все же пользовался популярностью, ведь в кажущемся изобилии товаров, потребители все равно дорожили своими устройствами.

Почти каждое начало рабочего дня у Пьера рождалась мысль, что можно изобрести защитный чехол для мозга или хотя бы для органов чувств, чтобы защищаться от «ударов» информационного мусора.

Звонок телефона настроил Пьера на рабочий лад.

– Алло, здравствуйте. Компания Ликвид Протекшн. Менеджер по продажам Пьер Пирогов.

– Здравствуйте. Я ранее покупал у Вас защитный чехол для вентилятора. Мне сейчас необходим чехол для ноутбука. Что Вы можете мне предложить?

– Какой у Вас ноутбук?

– Пяньи Д1.

После консультации покупателя, Пьер никак не мог понять зачем для ноутбука чехол, который дороже самого ноутбука в два раза, тем более, что по своим характеристикам,

чехол переживет ноутбук на десяток лет точно. Какой же смысл покупать вообще этот суперпрочный чехол, если его гарантия зависит не от его противоударных свойств, а от куда меньшей гарантии на используемое устройство? Вот когда эти чехлы покупают на дорогие устройства, которые способны работать лет пять, тогда это имеет смысл...

Глава 2. Сава

– Пойдем покурим! Пьер!

В дверях кабинета стоял Сава – сухой блондин с волосами по плечи, орлиным носом, живыми янтарными глазами, в белой рубашке навыпуск. Он, как и Пьер, работал в отделе продаж, только продавал не товары, а услуги по обработке прозрачной Ньютоновской жидкостью кузовов автомобилей. Сава любил свою работу, а еще больше Сава любил свой заработок, который рос с числом клиентов, и продавал услуги компании почти всем, кому получалось дозвониться в холодную.

– Привет, Савелий. Пошли перекурим.

На улице шел дождь. Приютившись к другим посетителям курилки около Торгового центра, морщась от дождя, они прикурили по сигарете красного Мольро. Дым, вперемишку с холодным влажным воздухом, наждачкой прочесал гортань обоих – один из любимых моментов Пьера.

Он наслаждался утренней тишиной – удивительное время, когда в утренние дождливые часы около торгового центра в месте для курения стояла тишина, только вдали были слышны с шоссе редкие гудки автомобилей. В дождь было не до оживленного общения – все будто бы молчанием берегли тепло, поспешно насыщая себя никотином.

Тишину все же прервал Сава.

– Ты за вчера сколько заработал?

– Не помню точно, пять или шесть. – ответил Пьер.

– Ох, а я вчера был в ударе – новый рекорд поставил, как сам Бруфферт в начале своей карьеры! Пятнадцать набил!

Любимая тема Савы – богатые известные люди, бизнесмены и предприниматели. Сава равнялся на них, постоянно читал книги, вроде «Как заработать миллион просто так за один день без вложений», покупал себе дорогие вещи, был подписан на все странички богатеев мира, изучая и следуя их образу жизни. Он создавал себе этим, по его мнению, ауру богатства. При этом всем, его отличало от простого мечтателя то, что он и правда много работал, зарабатывая очень хорошие деньги по меркам страны.

Пьер когда-то проникся симпатией к нему, хотя не разделял его точку зрения о необходимости наличия денег в безграничном количестве. Пьер считал, что важнее внутренний мир, нежели овладение благами внешнего. Но в Саве он ценил, что тот был честным законченным материалистом, и, казалось бы, за кусок колбасы Родину продаст. Но это было неточным утверждением, а лишь догадкой, и проверить это не было ни причин, ни возможности.

Отличало Саву от многих людей среднего достатка, безумно любящих деньги, то, что он не просто хотел ими владеть и безвольно приклонялся перед ними. Он не пытался урвать кусок всемирного экономического пирога, сохранив хоть какие-то крупницы чести и морали, которые прису-

щи любому социальному гражданину. Сава верил в Деньги – в их силу, влияние и необходимость.

Деньги – это живая субстанция, которая уже давно вышла из-под контроля людей, и теперь она управляет людьми, а не наоборот. Куда указывают деньги – туда идут массы. В каком-то роде похоже на новую религию, где никто из живущих ныне людей не видел зарождения этой субстанции, ее развитие и окутывание всего земного шара. Люди могут лишь чувствовать влияние малейшей части этой субстанции на их жизнь и только догадываться, насколько огромна и влиятельна вся субстанция на Земле. А богатые, отдельно взятые личности, типа предпринимателей и бизнесменов, для них вроде пророков и глашатаев, трубящих всему миру о величии денег и призывающих принять этот факт на веру. Таким людям Сава и поклонялся. Это была его религия, мораль, честь и смысл жизни – служение великим Деньгам, вождедея пришествия манны в его дом.

Время от времени, Сава был действительно похож на фанатика, стучащего в дверь с вопросом «Верите ли Вы в макаронного бога?», когда с горящими глазами объяснял Пьеру суть, смысл и привилегии его вероисповедания. Но из-за холодного отношения Пьера к Деньгам, делал округленные, полные непонимания глаза и отводил нижнюю челюсть чуть назад, глядя на Пьера, как на темного пещерного человека, прикуривающего свой Мольро с помощью удара двух кремней.

– Как это тебе не нужны все Деньги Мира?!

– А что я с ними буду делать? – незаинтересованно ответил Пьер.

– Как что? Пребывать в блаженном состоянии! Упиваться всеми благами цивилизации! Это же как волшебная палочка или скатерть-самобранка, чего пожелал – то получил. Ты же это сам прекрасно понимаешь.

– Савелий, а кто гарантирует, что это принесет мне счастье? Ты можешь это гарантировать?

После этого, или другого подобного вопроса Сава сначала закипал от недоумения, как забытый на плите чайник, его янтарные глаза становились похожи на два больших орлиных глаза, нацеленных на добычу. Но, благодаря легкому характеру и позитивному настрою, Сава быстро остывал и шутил: «Гарантировать я могу только качество обработки нашей Ньютоновской жидкостью».

Этой легкостью, невозможно сочетающейся с фанатичностью, Сава и нравился Пьеру. Он не был озлоблен на людей, как на противников в большом делении материального мира – он был чуть выше, благодаря уверенности в своем неизбежном обогащении. Как глубоко верующий старец не будет соревноваться с прихожанами за благословение – его хватит всем.

Глава 3. Таковы правила

Сам же Пьер, не был законченным отшельником, отказавшимся (или планирующим это сделать) от материальных благ. Он осознавал необходимость участия денег в его жизни. Он любил вкусную еду, ухоженный теплый дом, удобный автомобиль, но он не считал это смыслом существования – скорее средством более удобной, безопасной, а оттого и более продолжительной жизни.

Пьер был хорошо образован в одном из лучших экономических ВУЗов города, отлично разбирался в экономике, финансах и политике. Во время существования Пьера, Са-вы и остального населения Земли вообще было сложно как-то устроиться в жизни без крепких знаний в экономике. Даже на должностях, на которых эти знания ни к чему, требовались экономические двухмесячные курсы для понимания основ материального потока.

Мир был полностью погружен в развитие, обогащение и рыночные отношения по всему земному шару. И Пьер осознавал это и принимал эти правила игры. Но он не считал Деньги божеством или религией. Он вообще не принадлежал ни к какой общепринятой конфессии, хотя изучил вопрос вероисповедания досконально, прочитав большинство религиозных трудов. Стоит ли говорить, что центральной мировой конфессией в какой-то мере стал Монетаризм?

И во всех трудах он искал тот самый месседж об изначально-ной идее существования человечества.

Рано или поздно место на Земле банально закончится, и станет негде ставить и использовать новые заводы-пароходы, а люди будут переходить и переносить с собой блага в облачные хранилища – в виртуальную реальность. Они будут существовать в них, накапливая бесконечные товары, которыми по назначению воспользоваться нельзя. Можно будет только их созерцать, как результат жизнедеятельности каждого члена экономической цепочки. От созерцания люди будут впадать в нирвану и пребывать в ней вечность – это единственная теория, родившаяся в голове Пьера, хоть немного отвечающая на его вопрос о необходимости накопления материального.

Прочитав большое количество религиозных писаний, Пьер так и не остановился на одной определенной религии. Были несколько, которые ему импонировали, но не более того. Единственное, во что он точно не поверит – это в Деньги, потому что за Деньгами не было никакого верного пути, ведущего к конечной ясной цели и никакой всеобщей правды, ведь она может меняться в зависимости от субъективных представлений владельца какой-либо крупной их части, а представлений большинства богатеев о жизни Пьер не разделял – они казались ему наживными, обычными, наивными, без какого-либо сакрального смысла бытия.

***

– В бар или по домам? Угощаю! – окрикнул Савелий.

– Ну... В принципе, можно в бар. – ответил Пьер.

– Что задумчивый? Опять Сиддхартху своего читал весь день?

– Да... Звонки не шли сегодня.

– А «в холодную» поработать?

– Да что-то настрой не тот сегодня.

Савелий не понимал философского отношения Пьера к жизни, он даже считал его временами жутко ленивым, но говорить ему об этом не собирался. Во-первых, чтобы ни в каком случае не обидеть его, а во-вторых, понимал, что ленивые люди ВУЗов не оканчивают и книг не читают.

Разумеется, понятиями «нирвана» и «созерцание» Сава не оперировал, в его разговорах была другая терминология, к которым относились «дистрибуция», «рецессия» и, например, «овердрафт». Их общение было похоже на диалог людей, говорящих на разных языках, выучивших язык своего собеседника.

Пьер и Сава сидели за дубовым лакированным столом, перекусывали чем-то очень вкусным и соленым, вдыхали ароматы барной кухни и наслаждались концом рабочей недели. Сава время от времени любил отдыхать и пользоваться возможностью вкусно провести вечер. Пьеру это тоже было не чуждо совершенно – он без раздражения относился к шуму в барах и кафе, потому что это был шум, сливающийся в один поток, как в метро. Люди создавали единое облако, единую

идею нахождения в одном месте в одно время. Все было аккуратно и однородно – никакого хаоса в сознании.

Вечером Пьер зашел в свою ослепительно белую квартиру, будто обтянутую белым глянцем. Несколько устало взял томик своего чтива и закурил, даже не открыв форточку. Прочитав несколько страниц очередного философского учения, затушил прогоревшую до фильтра сигарету и погрузился в крепкий сон.

Глава 4. Это он!

Пьер открыл глаза в знакомом ему месте. Это была небольшая площадь в центре поселения. Она напоминала ярмарку, благодаря большому куполу над ней, состоящему из всех цветов радуги. Людей, в отличие от центральных площадей крупных городов, было совсем немного. Нельзя сказать, что стояла гробовая тишина, но было поразительно тихо, звуки были ленивы и медлительны, как и вся площадь в целом. Складывалось ощущение, что место, куда попал Пьер было замедлено кем-то извне специально – люди неспешно перемещались по своим делам, общались друг с другом в полтона, возможно, что в этом месте менялась даже скорость звука, уменьшаясь с триста тридцать одного метра в секунду до ста шестидесяти пяти с половиной.

– Доброго полудня. – прозвучал спокойный, располагающий к себе голос.

Пьер развернулся, и увидел перед собой невысокого парня, одетого в оранжевую кашаю, смотрящего на него приветливым взглядом.

– Здравствуйте. Пьер. – представился сновидец.

– Вы у нас недавно?

Пьер точно не знал ответа на этот вопрос, поскольку было непонятно, в какой момент сна он появился на площади. По его внутренним ощущениям, встреча с приветливым парнем

состоялась спустя несколько минут. На этой площади Пьер был не впервые, но и считать себя обитателем этих земель он не мог, потому что ничего об этом месте толком не знал? поэтому он ничего лучше не нашел, как размыто ответить:

– Да, совсем недавно.

– Как Вам у нас, Пьер?

Оглядев нескончаемые тихие, уходящие за облака горы и полупустую площадь у подножия, Пьер на выдохе, постаравшись скрыть напряжение, ответил:

– Спокойно.

– Удивительно спокойно, правда? – улыбаясь спросил новый знакомый, смотря на горы.

– Да, удивительно. – согласился Пьер.

– Чем планируете заниматься?

– Я хотел увидеть одного человека, и задать ему очень важный для меня вопрос. – сказал он про Монаха.

– Вы с ним знакомы?

– Заочно, можно сказать.

– А где он живет?

– Я точно сам не знаю, он обычно появляется на закате на этой площади.

– Отлично! Получается, у нас еще много времени – вдруг звонко произнес парень.

Пьер немного не понимал, почему «у нас», и чем здесь можно заниматься целый день.

– Меня зовут Рахула. И я рад встрече с тобой!

– Взаимно, Рахула.

– Пьер, а зачем тебе этот человек? Какой вопрос тебя так сильно беспокоит?

Пьер уже хотел было ответить, но Рахула опередил его:

– Подожди! Пошли в мой дом, я тебя напою и накормлю, как своего гостя, а ты мне как раз все расскажешь.

Пьер не ощущал ни чувства голода, ни чувства жажды и объяснял это тем, что все-таки находился во сне не всем телом с присущими ему физиологическими потребностями, а только своим сознанием, которому не нужны были еда, вода, отдых и даже его пачка «Мольро». Но отказываться не было смысла, потому что Рахула мог знать что-то о Монахе и поведать тайны этого места. Пьер кивнул.

Зайдя в небольшой дом из белого камня, Рахула пригласил Пьера за стол. Дом внутри был небольшой, уютный и чистый. На небольшой площади располагался деревянный стол со стеклянной столешницей. Под стеклом находилось тканевое полотно во всю площадь с яркими узорами, рунами и цветами. Рахула поставил на стол деревянную круглую большую тару, похожую на колесо, и открыл крышку. Аромат мяса, кинзы и имбиря окутал Пьера, и он заинтересованно заглянул в емкость. Рахула поставил две керамические овальные чашки на стол и налил в них белую горячую жидкость, пахнущую сливками.

– Это момо, а это наш чай. – Рахула показал на тару, а потом на кружки.

Он присел на лавку напротив Пьера, и жестом двух открытых ладоней как бы подтолкнул Пьера отвесть угощение.

– Значит ты ищешь какого-то человека, знающего ответ на твой важный вопрос? – спросил Рахула.

– Да, я ищу одного Монаха уже не первый раз.

– Монаха... А знаешь ли ты, где находишься?

– Нет, Рахула. Не знаю.

– Пьер, ты на Тибете, у подножия горы Кайлас... И как же ты попал к нам?

– Я уснул. – честно и лаконично ответил Пьер.

– Уснул?

– Уснул... – подтвердил Пьер, сам понимая, что несет чушь.

– Получается, что я в твоём сне? – засмеялся Рахула.

– Выходит, что так.

– И часто ты посещаешь нас?

– Каждый раз, когда засыпаю.

– Как ты попадаешь сюда после того, как твои глаза закрываются?

– Сам толком не понимаю. Я читаю книгу, выкуриваю сигарету, понимаю, что глаза уже устали, и закрываю их. А через несколько минут я открываю глаза в центре вашей площади.

– Интересно. Значит не просто так ты сюда попадаешь. Тебя мучает важный вопрос, за которым твоё внутреннее «Я» сюда и приходит.

Пьер отхлебнул чай, но он ему показался безвкусным, как вода, хотя приятный запах от него исходил очень сильно. Поэтому Пьер даже не видел смысла попробовать на вкус момо, тем более, что был не голоден.

– Я время от времени задаюсь вопросом смысла нашего существования. Только сначала меня беспокоит смысл конкретно моей жизни – зачем я здесь, – а потом в рассуждениях я перехожу к вопросу смысла бытия всего человечества.

– А почему тебя беспокоит этот вопрос?

– Как это почему? Я же анализирую свою деятельность, отталкиваясь от вопросов «Зачем и почему я что-то делаю?»

– А тебе твоя деятельность, как и вся жизнь не приносит удовольствия? В каких действиях ты не видишь смысла, который хотел бы узнать?

Пьер после этого вопроса затянул длинную цепочку причинно-следственной связи:

– Зачем я встаю по утрам? Чтобы успеть на работу. Зачем я работаю? Чтобы заработать на пищу, воду, жилье и материальные блага. Откуда и зачем у меня такое количество желаний? Для компенсации приложенных усилий. Зачем мы производим столько всего, прилагая так много усилий? Для постоянного развития и прогресса...

Пьер замолчал, набрал воздух и продолжил:

– ...Но рано или поздно для развития и прогресса не останется места. И что? Тупик? Какой тогда в этом всем глубинный смысл для всего человечества, если рано или поздно мы

зайдем в тупик. Круговорот материальной жизни и никакого душевного спокойствия.

Пьер символично выдохнул. Он давно никому так не выговаривался, хотя его рассуждения были довольно обобщенными и наивными, но это лежало совсем на поверхности и вылетело при первой же возможности.

– То есть ты не видишь смысла в существовании человека?

– Сам не вижу, поэтому хочу, чтобы кто-то мне его объяснил. А то выходит, что мир сейчас построен вокруг материального, а после физической смерти что? Остается только духовное, о котором мы успешно забываем в погоне за богатствами мира. И какой смысл?

– Да, как ты круто завернул... – потер затылок Рахула.

– Может быть тебе попробовать поискать смысл в отдельных сферах жизни, сменить профессию, например, а не биться над смыслом жизни всей планеты?

Пьер промолчал, пожав плечами.

– Хм... Я постараюсь помочь тебе найти Монаха, Пьер.

– Да найти-то я его нашел. Мне его поймать нужно.

– Поймать... У меня для таких целей есть только рыболовная сеть.

– Да нет, – улыбнулся Пьер, – поймать в другом смысле. Не поймать, а догнать и встретиться.

– Настигнуть Монаха ты сможешь, когда правильно сформулируешь свой вопрос.

Пьер задумался.

– А что неправильного в вопросе о смысле жизни?

– Это настолько размытый вопрос, на который можно ответить очень по-разному. Тебе нужно подумать о чем-то более конкретном, что именно тебя беспокоит. В чем первопричина твоего обеспокоенного состояния при размышлениях о смысле жизни.

Собеседники на минуту замолчали. Пьер совершил вторую попытку почувствовать вкус манящего сладкой сливочностью чая, но ничего опять не вышло.

– Вкусно? – кивнул Рахула на чашку в руке Пьера.

– Не знаю. Не чувствую ничего, кроме запаха... Рахула, а кем ты здесь работаешь и как живешь?

– Я монах общины Кайлас, по совместительству слежу за порядком на нашем поселении, порядком восхода и захода солнца, наступления снега. Слежу за количеством яков на поселении. Самое главное, чтобы у нас не было голодных, измученных, расстроенных, и все шло своим чередом.

– А как же ты следишь и влияешь на восход и заход солнца?

– Я слежу, но повлиять я никак на него не могу, это же Солнце.

– А зачем ты следишь?

– Солнцу, как и Луне, человеку, яку, дереву и ветру отведено определенное время на земле в течение суток, недели, месяца, года, десяти лет, века, тысячелетия и вечности. И

важно, чтобы это время находилось в гармонии. Например, если вдруг Солнце ушло раньше, значит его время занимает Луна, а это значит, что гармония нарушена. Луна эту гармонию нарушить никак не может, потому что сама по себе является мериллом времени. Значит, нужно искать первопричину нарушения этой гармонии. Или ветер дул-дул и пропал совсем не в то время, когда ему это полагается. Это случается, как это и было в день Юпитера, когда вдруг начался пожар в одном из домов поселения – ветер стих, чтобы не разносить дальше огонь по другим домам. А почему начался пожар? Потому что як не съел заготовленную траву с прошлого дня – она высохла и загорелась. Не съел як траву, потому что недостаточно проголодался в прошлый день на работе. Не проголодался, потому что работал меньше положенного времени на день.

– И так до первопричины. – резюмировал Рахула, заметив, что Пьер может потерять нить.

– То есть, яку полениться нельзя, потому что все сгорит?

– Нет, просто во всем должна быть гармония. – утвердительно подвел черту Рахула.

– Хорошо, а сколько же отведено времени человеку на земле?

– В течение суток человеку отведено шестнадцать часов, остальное время его сознание покидает землю. За меньшее он не успеет сделать намеченного, а если он на земле находится больше шестнадцати часов – сильно устанет, и нару-

шится гармония в его душе.

– Интересно, а время для человека в течение месяца и года измеряется в днях?

– Да, верно, в течение месяца или года мало что меняется для человека. Бывают случаи, когда ему для гармонии необходимо покинуть землю на несколько дней, но тебе это, я думаю, пока не грозит. Главное научиться управлять сутками и гармонией этих суток.

– А сколько отведено человеку в течение тысячелетия?

Рахула улыбнулся и хотел было ответить, но его отвлек сильный металлический стук на улице. Солнце ушло за облака, поднялся сильный ветер и начал метать металлические котелки и остальную утварь по площади. Рахула вскочил.

– Пойду соберу! – крикнул он из дверей сквозь ветер.

Пьер остался за столом и задумался:

«Сколько же сейчас времени? А сколько мне осталось времени на земле на этот день? Я вообще сейчас на земле или покинул землю? Я ведь сплю. Или нет? Или я сплю, когда выбегаю по лестнице в густой шумный город, еду в зорбе-метро и продаю суперчехлы. Может, Сава мне только снится и его вечная беготня за материальным благом. И заводы-пароходы, виртуальная реальность, экономика и деньги. Это действительно больше походит на беспокойный сон, в котором я пытаюсь угнаться не за живым Монахом, а за химерным куском невидимого мне огромного пирога, который делят все жители планеты».

– Выходи! – крикнул спустя некоторое время Рахула.

Пьер вышел на площадь, ветер стих, солнце снова выглянуло из-за облаков, но было уже гораздо ближе к горизонту и красного цвета. Оно уже прошло высшую видимую точку Кайласа. Значит в скором времени, по памяти Пьера, должен был появиться Монах.

По прошествии получаса, или чуть больше, площадь опустела, люди ушли, закрыв свои лавки и сложив легкие шатры, защищавшие их от солнца. Пьер заметил легкое движение за площадью, ближе к подножью.

– Это он! – воскликнул Пьер.

– Тот человек? – ответил Рахула.

– Да-да! Это он! Бежим!

Пьер бросился со всех ног перебегать площадь по направлению к Кайласу, Рахула побежал за ним. Пыль поднялась, как от табуна лошадей, и сопровождала бегунов всю пробежку.

Рахула, отмахиваясь от пыли, кричал Пьеру:

– Ты уверен, что ты так его догонишь?

– Не знаю, но идет он намного медленнее, чем бы бежим!

Монах был метрах в трехсот от них, и его уже хорошо было видно – желтая кашая и темные длинные волосы, собранные в пучок над головой. Он единственный так выглядел во снах Пьера. Поэтому Пьер без сомнения бежал к нему.

Казалось, что их топот был слышен во всем Тибете, но Монах не обращал на них никакого внимания, продолжая

спокойно свой путь, и, как бы сильно не бежали догоняющие, Он уже начал восхождение на гору и уходил от них дальше и дальше.

Пьер подбежал к горе, но Рахула, следующий за ним, окликнул его: «Стой, Пьер! На гору нельзя заходить!»

Монах тем временем, уже скрылся из виду...

В белой комнате, напоминавшей своим безмолвием снежный пик Эвереста, очнулся Пьер после своего очередного вхождения в Астрал.

Глава 5. Утро

Проснувшись, Пьер еще около получаса пролежал на белой простыне мягкой кровати. Он пытался оставить в своем воспоминании каждый миг своего осознанного сна. Смотря в потолок, он вспоминал лицо Рахулы, крыши шатров на площади, дом и предложенную еду. В момент Пьер сдвинул брови, стараясь смотреть в одну точку, и замер – он не шевелил ни пальцами ног и рук, ни бровями, ни головой, лежащей на подушке – он был максимально сконцентрирован и изо всех сил возрождал в своей памяти Монаха. Пьер копался в своем воспоминании так, как кладоискатель в поисках старой монеты скрупулезно роется в комках земли. Пьер хотел запомнить все, что связано с Монахом, в надежде, что это ему поможет в последующих снах хоть как-то опередить Его при подъеме на запретную гору. Он вспоминал в какой момент сна Он появился, на каком расстоянии Солнце было от горизонта и какого цвета, откуда именно он вышел на площадь.

– «Нет, Он не выходил на площадь со стороны поселения. Он определенно появился сразу у подножия горы, минуя площадь. Скорее всего Монах заходил с какого-то боку от площади» – размышлял Пьер – «либо же, в момент перехода площади был невидим».

К удивлению Пьера, он отлично помнил разговор с Раху-

лой, от которого он до сих пор был под впечатлением.

– Может Рахула прав? Может нужно искать новый смысл в жизни? Но ведь я и так его ищу. Зря я стоял до заката вместе с Рахулой, нужно было подходить ближе к подножию, возможно перехватил бы Монаха – сказал сам себе Пьер, поднимаясь с кровати на холодный паркет.

Белые стены, глухо тикающие часы, словно завернутые в одеяло, белый прикроватный столик с раскрытой книгой «Сутра белого лотоса высшего учения» и пепельницей, прихожая метр на метр, кухня в том же цвете, что и комната, шумная кофеварка. Пьер стоял в ожидании свежесваренного кофе и смотрел в окно: сквозь водные линии был виден город с высоты двадцать второго этажа. Пробка в красных фонарях стоп-сигналов, рекламные борды, люди под зонтами, похожие на черепаха, медленно ползущих к метро.

Кофеварка затихла, что было сигналом готовности кофе.

– Яку нельзя полениться, а то все сгорит... – сказал Пьер вслух и улыбнулся – а интересно Рахула говорил о первопричинах и взаимосвязях.

В это утро Пьер был намного спокойнее и счастливее, на улице было сравнительно тихо из-за дождя. Все происходило, как будто более размеренно и лениво, хотя на самом деле все пешеходы наоборот ускоряли шаг в надежде не вымокнуть полностью по пути к метро. Вероятно, Пьеру так казалось из-за отсутствия обычных утренних разговоров и выкриков людей на улице, связанного с дождем и с субботним

утром.

Пьер был погружен не в свои обычные рассуждения, а больше в размышления о встрече с Рахулой.

– «Интересно, а увижусь ли я с ним снова, захочет ли он рассказать мне что-либо еще о жизни, даст ли мне совет. Пьер понимал, что он, не послушав Рахулу, начал заход на запрещенную гору, и как бы это ему не вышло боком в следующий раз созерцания подножия горы Кайлас в своем сне. А вдруг он, нарушив священный закон, больше не попадет туда вовсе, а будет видеть обычные безучастные сны, как многие люди...».

– Ста...я м...ро Ск...ц...кая п...щ...дь – невнятно прожужжал электрический голос в вагоне

Пьер машинально поднял голову и вышел из вагона в шеренге с другими людьми. Платформа напоминала больше не станцию метро, а большой компьютер, внутри которого находились люди. Колонны, перрон, эскалаторы, поручни – все было стального глянцевого цвета, от полочка шли вниз десятки параллельных стальных креплений, удерживающих плазменные экраны. На экранах отображались генерация валюты, новости экономики, бегущий гимн Единого государства, флаг и герб на соседних экранах, рост средней зарплаты жителей Государства в онлайн-режиме, и много другой политкорректной информации.

Подойдя к эскалатору, Пьер вкинул в монетоприемник один родуен, дверцы эскалатора открылись, и он шагнул на

бегущую бесконечную ленту. Иногда Пьер шел пешком, чтобы сэкономить одну монету, но не сегодня, когда на нем был непромокаемый плащ, сковывающий движения.

Двери подземки автоматически открылись, и Пьер оказался на площади, закольцованной высоченными башнями из металла и синего стекла с огромными многочисленными рекламными баннерами и экранами, на которых показывали новости, обзоры новых моделей автомобилей, интервью с крупными бизнесменами и много другого абсолютно неинтересного. Если какой-то зевака хотел углубиться в суть происходящего на каком-нибудь экране, он мог взять свою гарнитуру, которая была у каждого гражданина, зажать сенсорную кнопку на ней, и направить появившийся лазерный луч из гарнитуры на экран – она соединялась с экраном, и звук транслировался в гарнитуру-наушник зеваки...

Глава 6. Экономические встречи

Каждую субботу, в полдень, предваряя Экономические встречи, на экранах менялись передачи на одну единственную и гарнитуры отключались у всех жителей без исключения. Из колонок под экранами начинал греметь гимн Единого государства, а на всех экранах появлялась картинка с текстом гимна, флагом и гербом. Гимн длился около двадцати минут и состоял из ста строф. В гимне воспевались свобода, единство и развитие жителей. Особое внимание, двадцать пять строф, в гимне уделялось Деньгам и официальной валюте Единого государства – ее влиянию, важности и необходимости:

«Ты-ы-ы наш воздух, кро-о-овь Земли!

Но-во-е солнце – Вели-и-кий обмен!

Ты паришь всюду и вез-де!

Вели-и-кий! Могу-у-чий! Наш Родуен!»

Громогласно пропевая строки, толпы людей равнялись на экраны, в зависимости от своего расположения, и сужались к трибуне из-за ограждений. Получалась человеческая ромашка, в центре которой располагалась круглая металлическая трибуна.

С экранов развивался флаг, выглядевший как белый лист бумаги в голубой рамке – этаким антипод квадрата Малевича. Белый флаг олицетворял смешение всех людей Земли,

всех государств, народов и поселений в одно единственное на Земле Единое государство, а голубая рамка олицетворяла небо вокруг Земли.

Гербом Единого государства являлось схематичное изображение его же Единой валюты – Родуена на белом фоне. Изображение родуена было получено слиянием устаревших, ныне несуществующих мировых валют – рубля, доллара, евро и юаня. Выглядело это, как раздутая восьмерка, перечеркнутая линией вертикально по центру, в которой проглядывался образ доллара, наверху были два хвоста, как у буквы игрек или у юаня. Верхний «диск» восьмерки был горизонтально перечеркнут двумя линиями, наподобие евро, а нижний – одной линией по центру, дополняя очертание рубля.

Люди пели горячо, с полной отдачей, в один голос. В минуты пения гимна бывало ощущение, что глас толпы сейчас сметет мощью голосовых связок кольцо башен. Либо, словно буря, развернет на девяносто градусов одну башню, вторую, и постепенно остальные. А в конце, на финальных высоких нотах гимна какой-нибудь лепесток людской ромашки выдаст больше на пару децибел, чем все остальные, и одна из башен все-таки не выдержит натиск и упадет, задевая следующую. Башни будут падать как домино, одна задевая другую с жутким грохотом и треском, а люди будут тянуть последнюю долгую ноту Гимна:

«... наш Родуе-е-е-е-ен!»

Но этого не случилось. Последняя нота удивительно чи-

сто была вытянута, гимн окончен, наступила выразительная тишина. Спустя ровно минуту, изображение на экранах сменилось только на белые флаги в голубой рамке. Толпы-лепестки людей развернулись вокруг и встали лицом к центру ромашки – металлической трибуне, на которой уже стоял человек в кожаных белых туфлях, белоснежном костюме с бриллиантовыми сверкающими запонками и рубашке с небесно-голубым галстуком. На верхнем кармане пиджака было вышито черными толстыми нитками изображение Родуена, а сам карман был окантован по периметру голубыми.

Человек был гладко выбрит, с ухоженным лицом и белой улыбкой. Он стоял в центре трибуны с микрофоном в одной руке, приподняв вторую в локте. Толпа терпеливо выдерживала тишину, сквозь которую был слышен стук каблуков при каждом шаге оратора по трибуне навстречу людям. Обойдя по кругу трибуну, поприветствовав таким образом всех собравшихся людей, оратор встал лицом к лепестку, который примыкал спинами к зданию Главбашни. В этом лепестке стоял Пьер, смотря на оратора широко открытыми глазами и надеясь услышать неведанные истины, либо некий путеводитель по поиску истины в мире-государстве.

– Здравствуйте, уважаемые и любимые Соотечественники! – громко, но мягко начал оратор баритональным голосом.

После аплодисментов, в знак взаимного приветствия, оратор начал свою речь.

– Рад вас всех видеть на наших Экономических встречах! Ваш верный слуга и проводник в будущее Кристаллов Экрод Мирович. Мы всю неделю одинаково вкладывались в развитие нашего Великого Единого Государства. Никто не стоял в стороне, все полностью отдавались делу, и наша общая казна показала прирост...

Одновременно с его речью на экранах появился график с ломаными красной и зеленой линиями, на котором красная показывала еженедельный рост государственной казны этого года, а зеленая – прошлого, для сравнения.

– ... в две целых три десятых процента по сравнению с прошлой неделей! Поздравляю вас, граждане великого Единого Государства!

Толпа ликовала.

– Как мы можем постоянно увеличивать прибыль и развитие страны, прибыль компаний и свою собственную на постоянной основе, с постоянным плюсом? Только ли работой? Я вам отвечу – нет! Не только выполнением обязанностей делаются деньги... – Он сделал небольшую паузу и продолжил, – ...творите, ищите, создавайте! Создавайте новые средства и технологии, новые материалы и продукты, которые уменьшат издержки на их производство! Мыслите с точки зрения прибыли и издержек! Вы мне скажете: «нам нужно мясо», а я вам отвечу: «сделайте мясо из белковой фасоли». Оно одинаковое по питательности, добавьте пищевой ароматизатор – будет вам мясо! И производство килограмм-

ма такого мяса будет стоить в двадцать раз меньше, чем выращивание коровы, а доступнее будет в сотню раз. Вы мне скажете: «нам нужна чистая питьевая вода», а я вам отвечу: «производите фильтры не на основе природного угля, которого остается все меньше и меньше, а на основе волокна из эпидермы растений». Такие фильтры будут дешевле в сотни раз и доступнее в миллионы! И наполнятся ваши карманы и счета Родуенами! «А зачем же нам нужны эти самые Родуены?» – спросите вы.

На этой фразе Пьер замер, как утром на своей простыне, он был готов впитать все до последней буквы ответа на вопрос, так его волнующий. Он даже подал голову вперед, вытянув шею, и ждал ответ.

Экрод Мирович замолчал, внимательно вглядываясь зелеными травяными глазами в толпу. Он медленно разворачивался, заглядывая в глаза людей то одного лепестка, то второго, то третьего и так дальше, будто пытался увидеть ответ на вопрос в глазах людей. Он сделал круг в триста шестьдесят градусов. В толпе царила тишина.

Он продолжил:

– Я вам отвечу! И ответ мой так прост, что каждый может его подобрать. Родуены нужны для того, чтобы они у Вас были!

Толпа не совсем поняла такой наипростой ответ. На площади продолжала звенеть тишина.

– Я вам приведу пример – продолжил Кристаллов – у вас

бывали дни в прошлых государствах, когда денег не оставалось, и вы вынуждены были не покупать еду или не ходить в досуговые места?

– Да! – вскрикнула толпа.

– А часто ли у вас не хватало денег на дорогую еду или развлечения?!

– Да!

– Так вот! Теперь у вас всех всегда будет хватать денег на еду, которая будет дешевой за счет упрощения продукции, и воду, которая будет дешевой за счет использования недорогих фильтров! Вы всегда будете одинаково сыты и одеты! У вас всегда будет возможность копить деньги на автомобили, технику и путешествия!

– Ура-а-а! – взревела толпа, накрывая эхом все вокруг.

– Тем более, что путешествия совсем недорогие из-за ежегодного отпуска в пять дней! – продолжил оратор. Вы и в отпуске будете, и экономику не сорвете! Так планируется сделать по всем фронтам! Меньше вкладываешь – больше получаешь!

– Да! – крик перешел уже в какой-то вопль.

«Смысл денег в самих деньгах... – думал Пьер – в их наличии, преумножении и хранении. В карманах, на счетах, в казне государства, в банках. Главное, чтобы были деньги, а удешевить и тем самым преумножить продукцию можно всегда».

Это была не та истина, которую ждал Пьер, но он продол-

жил стоять и слушать лекцию Кристаллова. Он не хотел пропустить что-то очень важное, что мог огласить Кристаллов на Встречах.

Следующие несколько часов Экрод Мирович объяснял публике азы экономики, денежных потоков, принятой в государстве себестоимости продукции, понятие себестоимости жизнедеятельности одного человека, которая уменьшалась по мере роста семьи. Были затронуты темы продолжительности жизни, создания Министерства Охраны Экономики, зависимости продолжительности жизни от количества сгенерированных Родуенов, усовершенствование счетчика созданных Родуенов каждого гражданина, и много других великих целей.

Экономическая встреча подошла к концу. Экрод Мирович Кристаллов, улыбаясь во весь рот, махал обеими руками разгорячившейся от его слов толпе соотечественников. Заиграла задорная ритмичная музыка, время от времени переходящая в марш. Люди танцевали, как умели, веселились и смеялись. Во время отрезков марша, люди шли на месте, высоко поднимая колени и хлопали в ритм, потом площадь окутывала танцевальная мелодия, и люди принимались за хаотичные телодвижения. Сквозь эту кутерьму запустили боевых, сильных на вид, покрашенных девушек в голубых смокингах с тележками, полными шампанского и пластиковыми бокалами. Девушки с тележками, похожие на стюардесс, открывали одну за одной бутылки и раздавали наполненные

бокалы всем желающим.

Шум музыки и ликование людей глушило гул небольшого вертолета, опустившегося на трибуну. Экрод Мирович улыбнулся, махнул рукой и одним движением запрыгнул в вертолет.

Спустя час времени и десяток тысяч бутылок шампанского, музыка стихла и народ направился в метро. На экранах появились знакомые передачи.

Пьер, чтобы не тесниться в вагоне метро, зашел переждать толпу в кафе, заказал себе кофе с сахаром и корицей и сел за столик у витрины. Он сидел и смотрел на площадь, шумных людей, пустую темную трибуну и сереющее небо. Снова собирался дождь.

– Смысл денег в их наличии – говорил Пьер сам с собой – без них действительно плохо, без них долго не протянешь в нашем мире, но ведь есть другие истины, важнее денег – это сами люди, не так ли...

– Не имей сто рублей, а имей сто друзей? – поддержала вдруг размышления официантка, услышавшая их, – Ваш кофе.

– Старая поговорка. По-моему, ее использовали в Ранних государствах. – ответил ей Пьер

– Да, но вы, похоже, руководствуетесь именно ей – официантка улыбнулась и отошла.

«Сто друзей! Это же целая община, или небольшой микрорайон. Как это много. У меня насчитается знакомых че-

ловек десять, если не считать штат «Ликвид Протекшн», а друзей...» – думал Пьер.

Он задумчиво открыл контакты в телефоне, и пролистнул пальцем.

«... друг один. Это Савелий. По крайней мере я хочу так считать».

Пьер вышел из кафе и со следующим шагом растворился в остатках толпы, шествующей к метро.

Глава 7. Единое Государство

Когда точно образовалось Единое государство, поколение Пьера не могло знать наверняка – по общедоступной информации дата была одна, а как было на самом деле... Поди знай.

Довольно размыто жителям подавалась история Последней Войны: как она началась и как шла неясно, но закончилась созданием его родины – Единого Государства. Все страны мира встали под одним флагом и гербом, объединив свои деньги, ископаемые, изобретения и земли в одну огромную всесильную экономическую машину. Во главе встал Префект Единого Государства.

Второй должностью в правлении был Генеральный Экономист, определявший стратегию развития страны. Эти два человека, руководящие государством, находились вне подчинения и назначения. Они просто существуют, как воздух, вода, товары и деньги. Первый ранг правления.

Во втором ранге правления были высшие чины, развивающие основные направления в государстве: Главный Медик отвечал за развитие медицины, Главный Технолог за развитие инженерии и производства, Главный Дисциплинатор за развитие образования и Главный Идеолог, занимающийся развитием принятой Экономической идеологии в Государстве и укреплением образа Родуена.

Отдельно назначался Диктатор. Диктатор отвечал за развитие безопасности государства. Из-за того, что других государств попросту не существовало на Земле, постоянного чина «Диктатор» в Едином Государстве не было. Диктатор назначался на определенный срок только при каких-либо чрезвычайных ситуациях, происходящих на земле, до того момента, пока не стабилизирует ситуацию в стране. Он отвечал за мобилизацию временных войск, разрабатывал тактику ведения боя и успешно применял ее. Из-за большой разницы сил на это не требовалось много денег и времени. После молниеносной победы, Диктатор совершенствовал систему безопасности и контроля Единого Государства, сдавал отчет Генеральному Экономисту и складывал полномочия, возвращаясь к своей мирной профессии. Как находили и по каким критериям назначали Диктатора, указано нигде не было. Говорилось только, что решение о назначении принимается Префектом единолично за двенадцать часов с возникновения чрезвычайной ситуации. Также, один и тот же человек не мог быть назначен Диктатором во второй раз.

На памяти Пьера, был только один случай назначения Диктатора – около семи лет назад. Была зима. Около шести часов утра в темноте загорелся экран телевизора, который включался только по особо важным событиям, как Новый Год, День создания Государства и при падении прироста денег в казне.

С экрана телевизора диктор тяжелым металлическим

голосом объявил чрезвычайное положение в стране из-за беспокойной обстановки на западе Единого Государства. После этого на экран был выведена фотография человека в черной военной форме, и диктор проговорил:

– С сегодняшнего дня Диктатором Единого Государства назначается Боргригор Варт Семёнович.

Фотография светила с экрана еще десять секунд, после чего телевизор потух.

И больше никакой информации в течение недели не было. В какой-то вечер после работы Пьер ехал в метро домой, и тот же металлический голос, проникший в динамики вагона, объявил, но уже более мягко: «Уважаемые Соотечественники, в соответствии с приказом номер три тысячи двести пятьдесят один, объявляю о снятии Чрезвычайного положения в Едином Государстве. Войска нашей страны одержали сокрушительную победу». После этой новости изображения на экранах в метро и улицах изменились на непривычные. На них теперь отображались экономические убытки от ведения боев, временное повышение нормы рабочего времени на полчаса, новости об обнулении личных счетчиков генерирования Родуенов и планируемое время восстановления экономики до довоенных показателей по Округам.

В Едином государстве существовало девять округов, поделенных по географическому признаку: Северный, Южный, Западный, Восточный, Северо-западный, Юго-западный, Северо-восточный, Юго-восточный и Центральный.

Каждый округ занимался производством определенных товаров и работ. Центральный округ осуществлял контроль и управление Государством, а также отвечал за инновации и логистику. В этом округе Пьер и проживал.

В центральном округе находились палаты Первого и Второго рангов Правления. Палаты Второго ранга были на последнем этаже Главбашни. Но вот где именно находились палаты Префекта и Генерального Экономиста было неизвестно. Эта информация была скрыта для безопасности. Слухов ходило конечно несметное количество, вплоть до того, что Первый ранг является нейросетью.

Личности Префекта никто не знал. Тайна за семью печатями. Слухи конечно обновлялись по этому поводу, но большинство населения верило – Префект существует и управляет государством в полной мере. В чем конкретно заключались его обязанности было также неизвестно. В Книге Постановлений, в главе № 3 «Правление Первого ранга», параграфе № 1 «Префект», пункте 1 «Обязанности Префекта» был напечатан только подпункт 1.1, который гласил: «Обязанностью Префекта Единого Государства является управление всеми процессами, происходящими в Едином Государстве». Получается управление всем.

Однако, пункт 2 «Права Префекта Единого Государства» содержал около тысячи подпунктов, наделяющих Префекта безграничной властью на территории Единого Государства.

За окном стало резко темно – выключился большой экран

на улице, который располагался у метро и работал до 23:00
– сигнал, что пора отходить ко сну.

Глава 8. Юпитер

Около четверти века назад, семилетний мальчик, держась за руку отца, шел по теплой весенней улице.

– Куда пойдем сегодня? – спросил мальчик – в кино или в ботанический сад?

– Нет, мы идем с тобой в музей. Представили новую выставку. – ответил отец.

– Только давай купим мне по дороге кофейное мороженое...

От тепла мороженое быстро таяло в руках мальчика, стекая по рукам липкими жирноватыми каплями.

– Юпитер, только не обляпайся! Нас в грязном виде ни в какой музей не пустят.

Юпитер старался быстро доесть верхушку мороженого так, чтобы оно осталось только внутри рожка и перестало стекать.

Они подошли к центральному входу музея, Юпитер закинул остатки рожка в рот. Под потолком была растяжка, на которой написано название выставки:

«ИМ и ЭКС. Прессионизмы в Мировом искусстве»

– Здравствуйте! Рады видеть вас на нашей выставке. Вы можете ознакомиться с картинами направления импрессионизм в левом крыле, а с направлением экспрессионизм – в правом. – сказала им встретившая их сотрудница музея.

Обзор выставки отец решил начать с правого крыла. Как понял Юпитер, отцу нравилось это направление. Юпитер не знал, что значат эти два слова, но все равно охотно пошел за отцом. Он любил ходить с ним в музеи, смотреть на написанных бояр и царей, летние пейзажи, волнующееся море и многое другое, что светило и улыбалось ему с полотна. Еще в музее было невероятно тихо, можно было полностью погрузиться в процесс созерцания картин, переживая и радуясь за героев.

Сейчас он шел по периметру выставки, сначала читая автора и название, а потом поднимал глаза на подписанное полотно. Он так делал, потому что смотреть сначала на картины ему было неудобно – пришлось бы ходить все время с поднятой вверх головой. Шея начинала бы затекать. Таблички же, прикрепленные к стенам под картинами, были примерно на уровне плеч Юпитера, и голову он поднимал секунд на десять, чтобы взглянуть, что имел в виду автор. Например, что имел в виду Пабло Пикассо, назвав картину «Старый гитарист».

И к тому же, юному ценителю искусства было так намного интереснее. Он сначала, прочитав название, представлял, что бы он написал под это название, а потом поднимал голову и сравнивал ожидаемое с реальным.

«Почему гитарист синего цвета? – думал Юпитер – Я бы его изобразил, как сухого, седого старика в солнцезащитных очках».

«Джеймс Энсор. Вход Господень в Брюссель»

«Какие странные, жуткие лица. Почему они похожи на мертвых кукол, как в фильмах ужасов? Под таким названием должно быть что-то более легкое и светлое» – думал Юпитер.

«Эрнст Людвиг Кихнер. Потсдамская площадь в Берлине»

Юпитер, прочитав название, представил большое количество людей, чистую брусчатку и ярмарку. Подняв глаза на полотно, Юпитер ошалел. Его настроение стало понемногу угасать.

Следующее название картины «Танец Жизни» автора Эдварда Мунка вселило в мальчика надежду, что сейчас представления его и художника совпадут, но, подняв голову, Юпитер был разочарован происходящим на полотне.

На картины художника «Меланхолия» и «Крик» Юпитер даже не взглянул – уже по названию на табличке было ясно, что ничего хорошего и радостного он там не увидит.

Он быстро прошел мимо картин к отцу, взял его за рукав и немного дрожащим голосом сказал: «Пап, пойдем на другую выставку. Мне тут жутко как-то».

Отец стоял и любовался картиной «Лежащая обнаженная».

– Что случилось, почему жутко?

– Не знаю. Просто пошли.

Отец легко вздохнул, бросил взгляд на «Крик», взял Юпитера за руку и направился в противоположное крыло с на-

званием «Импрессионизм»

– Почему тебе стало жутко?

– Люди без глаз изображены, страшные, все темные. А самое главное – они называются неправильно.

– Питька, возможно автор, убирая глаза, пытается обратить твое внимание на другие детали картины, более важные.

– А что может быть важнее глаз?

Отец промолчал.

Юпитер с такой же тактикой начал изучать левое крыло здания, которое нравилось ему все больше и больше. Эдуард Моне и Клод Моне отвечали настроению Пьера, а особенно ему запомнились картины Пьера Огюста Ренуара...

– Папа! Смотри какая картина красивая! – прервал тишину Пьер.

– Да, действительно хорошая картина, правда довольно обычная.

– Как это, обычная?

– Нет никакой загадки или тайны.

А Юпитеру тайны и не нужны были. Он уже в семь лет понимал, что в мире немало загадок, даже для взрослых, а вот тепла и любви недостает. Спустя четверть часа отец с сыном вышли из музея и неспешно пошли домой. Юпитер все время держал отца за руку.

– Папа, а в каком округе живет Ренуар?

– Сынок, он уже не живет. Он жил в девятнадцатом и двадцатом веках.

– Давно конечно. А все-таки где?

– Он жил во Франции.

– А это какой округ?

– Это не округ, Питька.

– А что же тогда?

– Это одно из Ранних государств, которого уже давно нет.

– Там все так жили?

– Как?

– В любви и радости.

– Не знаю, сынок. Я не был во Франции. – вздохнул отец.

Юпитеру казалось, что он понимает смысл этих картин лучше любого взрослого и хочет жить также.

– А почему ты назвал меня Юпитером?

– Потому что планета Юпитер олицетворяет силу и мощь, а также символизирует удачу у многих народов.

– А нет ли планеты, которая олицетворяет любовь и радость?

– По-моему, Венера, сынок.

– Венера Римович... Не очень звучит.

– Не очень, – усмехнулся отец – поэтому ты Юпитер. А как бы ты хотел, чтобы тебя звали?

Юпитер поразмыслил и ответил: Пьер!

– Ты хочешь быть Пьером Римовичем?

– Да. Я хочу быть Пьером.

Рим улыбнулся и замолчал.

Придя домой, Юпитер лег на диван и думал о «Бале в Му-

лен де ла Галетт». Он хотел быть таким легким и веселым. И совершенно не понимал, почему его отец хочет, чтобы он был сильным. Вот если бы на Бале Мулен де ла Галетт был персонаж, чрезвычайно сильный, то он затмевал бы собой всю атмосферу бала. Все внимание уделялось бы ему одному, а бал стал бы не основным изображением, а всего лишь фоном для героя.

Так и любая крупная сила становится центром притяжения внимания, превращая все вокруг себя в атмосферу. Как большое сильное Солнце, которое оказывается настолько сильное, что может превратить галактику в пепел. Вокруг Солнца вращается все – планеты, их спутники, кометы, звезды, и вся остальная материя в пределах галактики, в том числе и юный Юпитер-Пьер.

Юпитер-Пьер вбежал в комнату к отцу.

– А если сильные захотят уничтожить слабых? Что тогда будет?

– Слабые нужны сильным, как и наоборот. – ответил поднявшийся в кресле Рим, – По настоящему сильному нужно всегда оберегать кого-то более слабого. Это делает его жизнь осмысленней, а его самого еще сильнее... – он наклонился к Юпитеру-Пьеру ближе – ... ни это ли есть проявление любви?

Юпитер-Пьер задумался.

– Пап, ведь я же тебя люблю. Но я могу тебе дать только радость и веселье. Потому что я слабее тебя. Какую силу я

могу тебе отдать?

– Твоя сила сейчас не физическая, пока еще не знания и не опыт. Она в другом. Твоя сила – это твое время. Его у тебя больше, чем у меня, моих друзей и знакомых. И ты делишься со мной своей силой, когда мы проводим вместе время.

– А зачем тебе время?

– Понимаешь сынок, время для людей – самая нужная вещь. И все взрослые на самом деле любят свое детство, и без раздумий вновь бы стали детьми. И вот когда ты проводишь со мной время, я снова попадаю в детство, и торможу свое время. Спасибо тебе за это.

Юпитер-Пьер заулыбался. Ему было необыкновенно приятно от сказанного отцом.

– Выходит я тоже немножко сильный?

– Конечно! Главное с умом расходуя свою силу. Тогда будешь становиться еще сильнее, приобретая другие новые навыки.

– Хорошо, папа. Но я все равно хочу быть не Юпитером, а Пьером...

Через пять с лишним лет, мальчик осуществил намеченное. В документе, удостоверяющем личность, который выдавался в двенадцать лет, графа «Фамилия Имя Отчество» была заполнена: «Пирогов Пьер Римович».

Глава 9. Сколько денег заработал?

Что это было, Пьер даже не понял. Он как сидел вечером в белом кресле, так и остался в нем до рассвета.

Состояние, в котором пребывал Пьер было не похоже ни на сон, ни на явь. Больше походило на какой-то транс – мысли были здесь, но не сейчас, а два с половиной десятилетия назад – в детстве.

После ужина, Пьер, размышлявший о личности Префекта Единого государства, вошел в комнату, сел в кресло и подумал: «А почему я решил скрыть свою личность под Пьером?». Промелькнувший вопрос послужил некоторым телепортом, и он снова стал семилетним Юпитером.

Он встал, встряхнул головой, издав звук заглохшего двигателя, протер лицо руками и прикурил «Мольро». Пьер начал говорить вслух, сквозь зажатую сигарету в зубах, будто в комнате кроме него кто-то есть еще. Говорил он отрывочно, несвязными между собой предложениями, как заедающая пластинка на старом патефоне, съедающем пять предложений из десяти:

«Ведь, чтобы уснуть, надо закрыть глаза... Нет, я же есть здесь и сейчас... Да вроде тридцать два мне... В том здании же вместо музея уже давно кафе... Да откуда тут машина времени, в шкафу что ли...»

Пьер нервничал. Он замолк, сглотнув слюну, и заглянул

в шкаф – густой дым сигареты покрыл висящие рубашки и брюки. Пьер для уверенности постучал в заднюю стенку шкафа. Убедившись, что потайных дверей там нет, он сделал последнюю затяжку так, словно она была последней в жизни, пока уголек не стал жечь держащие сигарету пальцы.

После своего энергичного монолога, договорившись, что это было что-то между сном и галлюцинацией от вероятного отравления не самым свежим ужином, он плюхнулся в кресло и положил голову на бок. Капля пота, проявившаяся из всклоченных темно-русых волос, стекала по вискам и бежала по щеке к подбородку. Пьер уткнулся воспаленными от дыма и недосыпа глазами в светлую стену.

В комнате стало жарко, душно и дымно. Пьер и сам не заметил, как в таком положении выкурил еще несколько сигарет подряд. Переведя рассеянный взгляд на небольшие электронные часы, он сделал усилие, чтобы собрать расплывчатые символы в конкретные, возможные для восприятия цифры: «10.09.78 – 05:46».

«Я их съел что ли?» – думал Пьер в поисках бычков выкуренных сигарет.

Он покашлял, посмотрел еще раз на часы и оглядел комнату в пепле. Из-за шторы пробивался луч утреннего солнца, расталкивающего пыль и дым в комнате. Пьер глубоко вдохнул и скрючил лицо так, будто съел лимон и запил холодной водой, – от свежести в комнате не было и следа. Он одернул шторы – свет ударил в комнату так, что, если бы он издавал

звук, грохот стоял бы, как от Царь-колокола.

После штор, быстрым движением «вверх-на себя» он полностью открыл окно, хотя обычно приоткрывал форточку. Свежий холодный утренний воздух облил Пьера и понесся мимо волной Индийского океана, окатив всю комнату своей свежестью.

Комната за несколько мгновений превратилась из душного, темного и задымленного барака в знакомый белый холодный пик Эвереста. Пьер вдохнул прохладу города и подумал, что можно пройтись по улице после кружки кофе...

Пьер неспешно брел по улице, наслаждаясь тишиной. Город и тишина – понятия несовместимые для мегаполиса с метро, баннерами, автомобилями и тысячами людей, с которыми ты сталкиваешься ежесекундно. Красноватыми глазами он обнимал весь город сверху донизу и думал, почему он вообще ищет смысл жизни, пытается поймать неизвестного ему Монаха, читает сотни строк философских учений ежедневно, раздражается от гигантского потока информации и нерациональных покупателей.

Он же помнит, каким он был раньше – радостным, любящим и мягким ребенком. Он мог жалеть и прощать, он желал только добра людям, не понимал и не принимал жестокость. Студент из него получался довольно увлеченный, живой, активный.

Он искренне верил, что с помощью экономики можно достичь пребывания людей во всеобщей любви. Он восприни-

мал в институте деньги, как инструмент достижения, а не как объект поклонения. Деньги – это кровь городов, но не все тело, а тем более не душа.

Он думал, что, закончив институт, ему удастся попасть во Второй ранг правления и со временем стать Главным Идеологом. Он бы настроил идеологию Государства таким образом, что отношение населения планеты к деньгам и материальным благам было бы прохладным, а первостепенно важно воспринимались бы ценности человеческой жизни, природы, развития человека, как высокоморального и духовного существа, а не как сейчас – банкомат на ножках.

Главными вопросами дня были бы «сколько прочитал?», «где был?», «что смотрел?». Безусловно, сейчас эти вопросы тоже задаются, обсуждаются и являются до сих пор главными и интересными. Но над вопросами «где путешествовал?», «что видел?», «кто вчера выиграл?» и «как там дела у дальних родственников?», возвышается Он.

Главный вопрос десятилетия, Префект вопросов дня, лидер по числу задавания, лидер по числу задавания незнакомым людям, лидер по числу задавания в качестве первого за день, безоговорочный победитель, держащий первенство вопрос:

«Сколько денег заработал?»

Среди размышлений Пьера в голове будто раздался гонг вместе с этим вопросом, как на боксерском ринге.

Он очень хотел, будучи студентом, чтобы денег хватало

всем, и все занимались тем, к чему испытывали интерес и внутреннюю тягу, а не тем, что просто увеличивает количество денег в мире и карманах населения. Он хотел, чтобы люди подходили к жизни с душой и жили не в погоне за выживанием, а развивались духовно и морально.

О выживании вопрос сейчас не стоит – еда, вода и кров над головой есть у каждого, но население все равно продолжает бежать, гнаться за средством получения этого. Бежать, не замечая самой жизни, не замечая законов природы и не соблюдая их. Так к чему же мы придем?

Пьер, окончательно расходившись, снова вспомнил, почему он ищет истину и почему читает литературу. Он вспомнил, как шли годы, опыт копился, а приоритеты менялись на первой в его жизни работе...

Глава 10. Совет

Десять лет назад, молодой двадцатидвухлетний Пьер после окончания института устроился на первую в жизни работу экономоведом в Экономсовет при Правительстве Единого Государства, как один из лучших студентов. Именно там он набил первые шишки и впервые разочаровался в законах жизни, которую проживает подавляющее большинство населения.

Он не хотел переворачивать игру и идти по головам – он был не карьеристом, а идейным человеком. В один из дней в должности экономоведа, он предложил: «Может стоит понизить норму создания Родуена для штатных режиссеров, снимающих о вечных ценностях? А то на фоне рекламы в фильмах вечные ценности как-то растворяются, и главенствующая роль достается не истине, а опять Родуенам и рекламе».

Тогда на Пьера первый раз посмотрели, как на сумасшедшего реформатора, диссидента и просто мудака, который ничего не смыслит ни в искусстве, ни в экономике, ни в ценностях.

Его начальник отправил его на ковер к начальнику Экономсовета – заместителю главного советчика по экономическим вопросам, которым управляет Сам ГенЭк. Никогда Пьер не был так близко к Генеральному Экономисту и первому рангу в принципе. Между ГенЭком и Пьером было все-

го четыре ступени карьерной лестницы, которые Пьер зарыл в землю, озвучив свое предложение.

Начальник Экономсовета, сидя в большом кабинете за лакированным дубовым столом, спросил у Пьера таким тоном, будто Пьер разбил его дорожную машину:

«Ты действительно считаешь, что в нашем Едином Государстве... – при произношении названия страны, он поднял лицо и руки в локтях, не отрывая от стола, будто читал молитву – ... возможно хоть кому-то понизить норму выработки Родуенов?»

– Уже точно не знаю, Роман Павлович. Наверное, да, если вопрос стоит о высших ценностях.

После такого ответа Начальник Экономсовета побагровел, замешкался и забегал глазами по кабинету. Он развернулся в кресле, посмотрел вверх на висящий Герб Единого государства и раболепно кивнул, поправляя галстук.

– То есть... систему не признаем? – более уверенным и спокойным тоном спросил Начальник Экономсовета.

Пьер понял, что сейчас узкая дорожка диалога может свернуть не в то русло и приведет его не совсем в то место, где он хотел бы оказаться. Он быстро спохватился и выдал:

«Признаем конечно! Я имел ввиду понизить норму выработки, чтобы качество фильмов про нашу Родину было еще выше, и чтобы информационное поле больше доставалось темам любви к Родине и Префекту, а не рекламе банки кабачков».

– Как тебя там?

– Пьер Пирогов. Экономовед отдела Экономического планирования.

– А я Худомыслов Роман Павлович. Начальник Экономического Совета при Правительстве Единого Государства. Ты думаешь, что любишь наше Государство сильнее меня?

– Нет, что вы! Я уверен, вы любите наше Государство намного больше!

– То есть, ты меньше любишь наше Государство?

– Нет, мы одинаково сильно любим наше государство, просто вы любите его, в силу возраста, дольше, поэтому ваша любовь цениться сильнее – выкрутился Пьер.

Худомыслова удовлетворил такой ответ, и он перешел на еще более спокойный тон.

– А как ты думаешь, почему же я сам не распорядился понизить им, например, норму выработки?

– Не знаю, Роман Павлович.

– А я тебе отвечу, Пирогов. Потому что любовь к нашей с тобой Родине бесценна и ее не испортишь банкой с кабачками, а вот уменьшение нормы выработки Родуена – это неполиткорректно и отражает как раз меньшую любовь к Государству. То есть выходит так, что наполнять более духовным население Родины мы будем ценой любви к ней. Понимаешь, как выходит?

– Понимаю, Роман Павлович. – грустно ответил Пьер.

– А ты не грусти. Ты смотри, работай, вникай, почитывай

Книгу Постановлений, и все у тебя будет хорошо. – якобы приободрил Худомыслов.

– Я понял, Роман Павлович.

– Работай, Пирогов. До свидания.

Пьер вернулся в общий кабинет отдела на восемь десятков сотрудников под удивленные «громкие» взгляды коллег. Все были уверены, что его уволят, либо понизят в отдел контроля исполнения. Контроль исполнения очень уж неинтересная работа...

– Ну что? Получил? – спросил старший экономовед, начальник Мухорогов.

– Да не очень, я думаю, мы поняли друг друга.

– Ты свои моралистические штучки-то брось.

– Глеб Валерьевич, какие штучки? Просто дело свое люблю.

– А ты хочешь сказать, что я не люблю свое дело? – выпучил глаза Мухорогов.

После этой фразы Мухорогова начался похожий разговор, как в кабинете «сверху», про любовь к Родине и Родуенам, приверженность делу и Префекту и про то, какие мы козлы – его не ценим и скачем по кабинетам.

Когда он успокоился, тихо спросил: «Пирогов, ну мне-то за тебя дадут?» – «Нет, Глеб Валерьевич, не дадут».

Мухорогов показал пальцем вверх, и после этого вытянул всю руку.

– А Сам в курсе?

– Не знаю, при мне Роман Павлович никому не звонил.

– Ну, будем надеяться, что это никому не нужно... Ладно, Пирогов, иди работай тихонько и больше ничего никому не говори, что ты думаешь на тему экономики страны. Желательно лет десять-двадцать. А потом у меня пенсия.

Мухорогов ушел в свой кабинет, огороженный стенами, из кабинета оглядел помещение отдела и закрыл за собой дверь.

Пьер тогда получил первый глоток горькой правды жизни и не мог его переварить еще долго. До второго глотка...

После того случая прошло больше пяти лет, Пьер исправно работал, скрупулезно анализируя и просчитывая нормы выработки, не критикуя решения начальства и вообще ничего не делая сверх того, что прописано его должностными инструкциями. Но делал не просто по букве закона, а с душой и рвением улучшить хотя бы собственную работу.

Слова Мухорогова и Худомыслова сначала его потравили, а потом жжение ушло и остался чистый рассудок: «Если я люблю свое дело, они любят свое дело, а занимаемся все мы общим делом – развитием великой Экономики, – то мы все в одной большой лодке. И все хотим, чтобы было лучше. Боремся за улучшение условий».

Через год ему увеличили зарплату за формирование надежных планов, и он проникся еще больше идеей большого общего дела. Деньги для него уже не казались только средством, ведь он вливал столько сил в планирование генерации Родуена, что волей-неволей стал считать деньги боль-

шим, сильным и великим существом. И снова получал в ответ надбавку. Он чувствовал единство всего Экономического Совета, всецело доверяя ему свою судьбу. Он жил, мыслил и действовал только во имя процветания великого дела, принимал решения в интересах Совета и даже со временем стал спать с мыслями о выработке Родуена.

Глава 11. Правда

Второй глоток правды произошел в обычный, ничем не примечательный день летом 75-го.

Пьер, завоевавший уважение коллег и покровительство Худомыслова своим рвением, сидел на утреннем брифинге и дожидался очереди голоса.

Первым закончил речь Худомыслов, за ним Мухорогов, договаривал третий вещатель – Ник Быкогонский. Он работал заместителем Мухорогова. Лучший планировщик отдела на протяжении десяти лет, корифей экономики и систем планирования. Ник за свою недолгую жизнь прочитал, казалось, все напечатанные, написанные и высеченные на деревянных табличках книги по экономике и ее роли в жизни государства. Он знал любой термин, знал любую экономическую ситуацию и мог ее предвидеть, как шахматист, который знает все ходы и улавливает психологию ведения игры оппонента.

Быкогонский филигранно танцевал на экономическом поле, решая трудные задачи и предсказывая будущие ходы Родуена так верно, что сам иной раз удивлялся точности прогноза. Он не стал начальником отдела или всего Совета только по причине своего возраста. «Молодой еще. Успеет» – говорили про него во втором ранге правления, где о нем и его

успехах были осведомлены. Возможно, боялись, что как раз Ник, в отличие от Пьера, начнет игру переворачивать, разумеется в лучшую для Государства сторону, но в худшую для Второго ранга и руководства Совета – боялись, что не выдержат темпов роста.

Быкогонский закончил свою подкованную, сдержанную и понятную речь, сделал глоток воды и закрыл ежедневник. Слово передали Пьеру.

– Уважаемые коллеги, добрый день. Я бы хотел поднять вопрос о возможном повышении нормы выработки Родуена таким образом, чтобы народ сам этого захотел.

– Так от нормы выработки растет и зарплата. – влез Мухорогов.

– Да, мы все знаем, что если норма повышается на два процента, зарплата работников повышается на два десятых процента...

– Да мы это прекрасно понимаем, Пьер Римович, что по существу? – опять нетерпеливо влез Мухорогов.

– Коллеги, предлагаю поднять норму без привязки к зарплате.

В совещательном зале постепенно поднимался гул из комментариев присутствующих: «Народ взбунтуется!», «Это не просчитано системами!», «Что он несет?», «Чушь какая-то...», «А как мы это осуществим технически?», «Зачем нам такие нормы?», «Он читал хоть Азы экономики Ригерта?», «Незаконно же в конце концов».

Нарастающий гул, переходящий в хаос прервал вставший Худомыслов, громко, но уважительно сказав:

«Участники совещания! Коллеги! Не надо шуметь! Прошу прекратить неразбериху и дать мне слово!»

Совещание затихло. Худомыслов начал отчитывать Пьера, постепенно закипая.

– Пьер Римович, вы понимаете, что вы предлагаете? Мало того, что это незаконно, так еще и неуважительно к населению. Это же грабеж! Как вы хотите осуществить этот проект? У вас есть основания полагать, что это возможно?

– Да, Роман Павлович. Есть основания.

– Извольте предоставить! – нервно дыша сказал Худомыслов.

Пьер вывел на экран несколько таблиц и какой-то параграф Книги Постановлений.

– Коллеги, согласно нормам труда в нашем Государстве, каждому человеку дается пять дней отпуска ежегодно.

– Так. – кивнул Худомыслов.

– По статистике, – Пьер показал на одну из таблиц – почти все население использует эти дни без остатка.

– К чему Вы клоните?

– Опять же, по статистике, – Пьер, якобы, не замечая вопроса, – в отпуске одновременно находятся не более двенадцати процентов сотрудников в любой период времени. В самые пиковые дни, выработка Родуенов падает на пять процентов... Так давайте повысим норму выработки на пять

процентов, а пять десятых процента учтем в отпуск, а не в зарплату...

Присутствующие слушатели молчали.

– Пьер, а вы знаете, что зарплата имеет градацию, в отличие от отпуска, по должностям? – заговорил Худомыслов.

– Знаю.

– Вот смотрите, – начал спокойно Худомыслов – у рядового сотрудника, как вы, количество процентов составляет одна десятая от нормы, а у вашего начальника уже одна пятая. Смекаете?

– Не совсем, Роман Павлович.

– Если норма выработки повысится на пять процентов, то ваш начальник получит в карман на процент больше от зарплаты.

– Понимаю, Роман Павлович.

– А у меня, например, пять процентов подъема нормы выработки отобразятся в моих два с половиной.

– Понимаю, Роман Павлович. – повторился Пьер.

– А представляешь, какая доля у второго ранга?

– Даже не представляю, Роман Павлович.

– Да тебе и думать об этом не надо! Ты что? Хочешь нас без Родуенов оставить? – Худомыслов почему-то мгновенно взвинтился и повысил голос.

– Так я ж за Государство...

– Молчать! За Государство он. А мы, выходит, против?

– Нет, но казна же больше бу...

– Да какая разница тебе до этой казны, если в своем кармане будет пусто? Мы же бьемся сутками над решением задачи – как заставить народ работать так, чтобы больше получали мы. Как поднять норму так, чтобы и в казну шло, и в карман! Чтобы все довольны были.

Пьер чувствовал себя наивным простаком, который вообще ничего не понимает в жизни.

– Так получается же тоже хорошо, что у людей появится больше времени, а казна будет пополняться... – робко он начал.

– Для тебя Государство, пока ты работаешь здесь, представляю я! – кричал покрасневший Худомыслов.

Он так орал, что все присутствующие сидели тихо, боясь даже пошевелиться – как бы он никого не уволил вдогонку за Пьером.

– А как же Единое Государство и единое развитие?

– Ты должен делать только то, что тебе говорю я и мыслить соответствующе. Не надо искать высшую истину в своей работе, оставь это мне, Пьер.

Худомыслов вытер лоб, посмотрел в зал, и покачивая головой с немного обезумевшими глазами, добавил: «Какой же мудак!»

Совещающееся загоготали в один голос, смотря на Пьера. А Пьеру хотелось провалиться сквозь землю и больше не спорить и не распинаться в попытках объяснить идею. Он был раздавлен, его утомили за это время двойные и тройные

стандарты. Он не был глуп и так наивен, как казалось. Проблема в том, что он не был хитрым.

Второй глоток был в том, что нет никакой общей идеи. Это все иллюзии, по крайней мере, на уровне второго ранга и ниже. Они хищно руководствуются исключительно чувством наживы и инстинктом самосохранения. И так живут все жители Единого Государства, за исключением, возможно, Правления Первого Ранга.

Увольнение прошло быстро и наполовину неофициально – не было объявления, расчетных ведомостей, заморозки личного счетчика, подписей, приказов и прощаний с коллегами. Пьер просто вышел из здания Экономического совета со справкой с места работы, которая, по сути, ничего не значила – ни увольнения, ни расчета. А признаками принадлежности к Экономсовету были только два бледных штампа с реквизитами и датой выдачи.

«Даже краска высохла у них... И кому она нужна?» – думал Пьер, глядя на справку.

От первого штампа организации было только: «...Экон... вет ... Лиц...зия № ...45...78». А от штампа с датой выдачи справки – «04 ...я ...75 года».

Он не знал, что будет дальше и что ему точно надо делать. Он хотел домой. Раздавленный, обруганный, высмеянный за истину, установленную не им.

«Как же можно жить без глобальной идеи, а только для набивания норм и карманов?» – единственная мысль, кото-

рая крутилась у него в голове на протяжении всего пути домой...

После второго глотка горькой водки, Пьер поставил стакан на стол и, не закусывая, закурил. Он сидел у себя на кухне раздавленный и разбитый. Пьер в тот момент был именно тем человеком, у которого рушилась жизнь – пять лет в трубу одним днем, одним выступлением. Возможно, здесь играл роль юношеский максимализм, но Пьера тогда это ни капельки не утешало. Он закусывал водку сигаретным дымом до позднего вечера, пока не «наелся» настолько, что рухнул после очередного глотка прямо на пол и в положении эмбриона уснул беспробудным сном до самого утра.

Глава 12. Несогласный

Проснувшись после двенадцати, Пьер приходил в себя и приводил голову в порядок до самого вечера. Он вспоминал различные способы борьбы с похмельем, перепробовал все жидкое, что было у него дома – от крепкого сладкого чая до томатного сока с чили. Ближе к вечеру его отпустило, голова стала яснее, но начало беспокоить другое:

Бывает ли место, где все прямолинейно, недвусмысленно и честно? Там, где не нужно играть в сапера, угадывая интересы других людей, потому что интересы будут общими и понятными всем одинаково. Где будет цениться реальный вклад в дело, а не статистические данные, которыми можно жонглировать, как яблоками в цирке. Где, если ты делаешь что-то, то уверен на сто процентов, что делаешь правильно. Где не несешься за невидимой целью только потому, что так тебе сказал Второй ранг. Получается, что, прикрывая свои интересы, Второй ранг не полностью осуществляет идею первого ранга. Но ты попробуй об этом сообщи. Главное кому?

Где приверженцы идей беспрекословно подчиняются правилам по пути к общей цели, но не из чувства страха, а из чувства любви и уважения к...Высшему рангу?

На тот момент Пьер не был знаком ни с одной из мировых конфессий Ранних государств, поэтому пока не мог оценить

реальность суждений, но был уверен, что мыслит он верно: «Неужели, у людей нет чего-то более строгого и достижимого, чем постоянное генерирование Родуена, согласно Книге Постановлений? И неужели никогда не было? А что было до Книги Постановлений?»

Мышление Пьера было верным, но некорректным по отношению к идеям Единого Государства. Думать о прошлом и изучать историю не запрещалось, ведь история была лояльна к Единому Государству, но считать, что Книга Постановлений не отражает истину в последней инстанции, было конечно незаконно и походило на Черное Несогласие.

ЧН – страшная аббревиатура. Она применялась к лицам, которые не уважали единство и не поддерживали развитие экономики и выработки Родуенов. Считалось, если человек не работает, то он не хочет развития для Родины, а значит не любит её. К таким относили людей, которые постоянно не выполняли норму выработки, не чтити Книгу Постановлений, нарушая законодательство, пропускали Экономические встречи или допускали много других нарушений. Первый ранг, как считалось, был милосерден к населению страны: если первый раз преступивший закон не препятствовал суду, а каялся в проступке, то в документе, удостоверяющем личность, делали пометку «ЧН».

После этого виновника отпускали на волю, он даже занимал прежнюю должность и оставался с прежней зарплатой. Правда было одно «но»: виновный не сможет поменять ме-

сто работы в ближайшие пять лет – с такой пометкой пять лет с момента выставления на работу не брали.

«Может быть были другие книги, не менее важные, чем для нас сейчас Книга Постановлений? Где были конкретные прописные истины, которые отражали ценность человека. Где же про такие можно узнать?» – задавался вопросом Пьер.

В интернете искать смысла нет. В библиотеках можно посмотреть, но вряд ли там будут книги, которые представляли ценность больше, чем Книга Постановлений, даже, если они существовали больше миллиона лет назад. А где их можно найти и за какую цену – это вопрос.

Пьер даже позабыл о вчерашнем совещании и последующем увольнении, голова стала занята более интересными мыслями – где раздобыть другие книги с другими законами.

Бежать к первому встречному с этим вопросом было также несуразно, как войти с ним напрямик в здание Главбашни. Легче сразу зайти в какое-нибудь городское Отделение Документооборота с просьбой поставить штамп «ЧН» в своем документе. Нужно было действовать аккуратнее и внимательнее, чтобы не допустить лишних подозрений.

Глава 13. Первые шаги

Пьер почти все свободное время (а после увольнения все время было свободным) тратил на поездки по Государству с поисками религиозных книг. Он в течение двух лет на прежней работе Родуенов практически не тратил – только если на дорогу до работы и скромную еду. Накопилось денег у него немало, и он мог себе позволить быть безработным путешественником. Главное – перемещаться в рабочее время, а в городе находиться только по вечерам. Это нужно, чтобы ни у кого не создалось впечатления, что он безработный, а то могли и сообщить куда следует...

Счетчик Родуена у него был не заблокирован, а обнулен и прекращены начисления средств, да и статьи увольнения за ним не следовало никакой. С информационной точки зрения выглядело так, что сотрудника «заморозили», и по Государственной системе Пьер на отметку «ЧН» не тянул. Времени конечно было у него не много – не больше двух недель – примерно такое время необходимо, чтобы о фактическом увольнении пришло уведомление в секретариат Второго ранга. Главное до этого времени устроиться на другую работу, чтобы было два уведомления – «уволен по собственному...» и «принят в соответствии...», тогда это становилось банальной сменой работы по собственному желанию.

Ближайшие четырнадцать дней были одинаковы по рас-

порядку. Открыв часы в телефоне, он установил себе напоминания:

«Следовать до вокзала или аэропорта – начало 07:00 – окончание 09:00».

«Следовать в транспорте (якобы командировка) /находится в гостинице – начало 9:00 – окончание 18:00».

«Поиск книг на рынках и в книжных магазинах – начало 18:00 – окончание 22:00».

«Следовать до гостиницы или квартиры – начало 22:00 – окончание 23:00».

«Находится в гостинице – начало 23:00 – окончание 07:00».

Без этих напоминаний была вероятность оказаться не в том месте, а главное – не в то время. А что еще хуже, находиться не в то время, не в том месте, да еще и не с той книгой в рюкзаке...

Полиции, как в Ранних государствах, не существовало – были небольшие группы нанятых дружин в каждом городе, которые были безоружны и одеты в обычную гражданскую одежду. Полномочия у них были только досмотровые и блокирующие. Они могли досмотреть гражданина, не внушающего доверия, и заблокировать ему счетчик Родуенов за какое-либо нестрогое нарушение с помощью специального устройства, похожего на пульт-смартфон. Счетчик содержал данные не только о количестве Родуенов, а также о гражданине, его местах жительства и работы, и семейном положении.

нии. Нажав в смартфоне кнопку «block», они замораживали счетчик до выяснения обстоятельств нарушения, целей и мотивов гражданина и его политкорректности.

В семь тридцать утра Пьер уже находился на Восточном вокзале и собирался ехать в один из городов Юго-Восточного Округа. Он предварительно изучил жизненный уклад разных округов Единого Государства по соцсетям, насколько это возможно, принимая во внимание посты, фотографии, личные станицы и комментарии к статьям. В комментариях у населения осталась привычка писать все, что вздумается, а государством соцсети не котировались, как что-то важное и официальное. Судя по оставленным комментариям, население Юго-Восточного округа было более либеральных мнений о населении Земли и холодным по отношению к деньгам.

Пьер зашел в вагон поезда, разместился у окна, заказал кофе у официанта вагона и закимарил. Поезд набрал свои восемьсот двадцать три километра в час – крейсерская скорость, за счет которой поезд летел, как по самолет по воздуху. Технически это так и было – между магнитной лентой, вместо рельс, и поездом было небольшое расстояние в двадцать сантиметров.

Пьер прибыл в первый город через пять часов следования и направился срочно искать гостиницу для размещения. В городе было пусто – редкие прохожие и машины следовали по своим делам. Он быстрым шагом перешел пустую трассу,

зашел в первый попавшийся хостел «ALL COLORS» и снял себе полулюкс, но не из-за того, что хотел более комфортный номер, а потому что так делают все командировочные.

Разместившись в номере, Пьер залил кипятком из чайника одноразовый кофе и зашел в соцсеть для поиска точного места первого предполагаемого здания, где могли быть нужные книги. Выходить на улицу было еще рано – часы показывали 13:48...

Пьер открыл глаза после недолгого сна. Он как сидел с телефоном в руках, так и уснул, и проснулся в том же положении. Время уже позволяло начать поиски зданий в городе. Он торопливо сделал несколько пометок в карте и телефоне, обулся и вышел в город.

Все города Единого Государства были похожи между собой как капли воды, поэтому ориентироваться в незнакомом городе было несложно. Около семи вечера Пьер подошел к нужному зданию и зашел внутрь.

Это была старая книжная лавка, ассортимент которой оставлял желать лучшего. Книг тридцать – не больше. Пьер с продавцом покопались в них и, само собой, ничего не обнаружили. В другом здании Пьер зашел в центральную городскую библиотеку. Хоть книг там было навалом, как коров в Индии, ничего подходящего там не было.

Третье, четвертое, пятое... Пьер перебегал от здания к зданию, и нигде не находил нужных ему книг. В некоторых книжных заведениях Пьер находил даже антикварные книги

о сражениях и империях, но это все было не то, что нужно.

Через три дня Пьер сидел в поезде, который следовал дальше по Юго-Восточному округу в другой город.

И все по новой – вокзал, хостел, полулюкс, карта, расписание. В один из дней Пьер направился в подвальный магазин под названием «Старый книжник».

– И давно ты ищешь нечто подобное? – спросил продавец.

– Почти неделю.

– Как тебя зовут?

– Пьер.

– Приятно познакомиться, Пьер. Мое имя Оливер. Чем ты занимаешься?

– Я экономоведом... – Пьер хотел сказать «был», но подумал, что не стоит доверять информацию об увольнении первому встречному – ... работаю. В центральном округе.

– Далековато ты забрел, Пьер. И зачем же экономоведу религиозные писания Ранних государств?

– Интересно просто. Для себя ишу, для досуга.

– Я понял тебя, Пьер. – Оливер ухмыльнулся, потом насупился и задумчиво помолчал, и продолжил – Ты знаешь... я торгую книгами в своей лавке больше десяти лет. До этого я книги коллекционировал. Потом, правда, большую часть распродал, но вот что-то осталось, – он почесал подбородок, – и за все шесть лет ко мне никогда, и никто не подходил с таким запросом. Самое редкое, что у меня спрашивали за все время – это Книга Постановлений в предыдущей

редакции».

– Ладно... До свидания.

– И куда ты сейчас пойдешь?

– В другой магазин. – Пьер, намерившийся уходить, остановился.

– А если там не будет?

– Пойду еще в один.

– Ты разве безумец?

– Почему безумец?

– Делать из раза в раз одно и то же, надеясь на разный результат – истинное безумие.

– Магазины-то разные.

– Но подход один. – парировал Оливер.

– Так я может быть найду магазин редких книг.

– Да не существует такого магазина! Ты не найдешь этих книг в магазинах, вывески которых ты видишь на улице. Не существует.

– Вы хотите сказать, что искать книги нет смысла?

– Нет. Я хочу сказать, что тебе нужно искать в других местах.

Пьер устался на Оливера, как на умалишенного. Где же можно искать книги, если не в книжных магазинах? На руках их быть не может. Редкие люди сейчас вообще держат книги, только если берут почитать в библиотеках научную литературу. Все остальное есть, конечно, в интернете, но на запрос «Религиозно-философское учение» открывалась толь-

ко одна страница, которая гласила что-то вроде: «...это учения Ранних Государств, неразвитых экономически и технически, которым требовались иные моральные устои, в отличие от Единого Государства...».

– А какие еще есть места хранения и продажи книг?

– Интересный у тебя досуг, Пьер, раз тебе нужны эти книги. – сменил тему Оливер.

– Скорее для общего развития.

– Книга Постановлений больше интерес не привлекает? –

Оливер улыбнулся.

– Конечно привлекает! – немного испугался Пьер.

– Ты не переживай. Я шучу. Я догадываюсь, зачем на самом деле тебе эти учения. Я тебе дам совет один.

Пьер внимательно посмотрел на руки Оливера, лежащие на прилавке. Оливер начал пальцами обводить воображаемый контур города и показывать Пьеру дорогу.

– Мы сейчас здесь. Тебе нужно дойти до улицы...

– У меня карта есть! – перебил Пьер, поняв, что Оливер хочет рассказать что-то важное.

– Давай карту.

Оливер рассматривал карту около пяти минут, постоянно повторяя: «так-так». Хлопнув ладонью по центру карты сказал:

«Так! Смотри... – он сделал голос тише, почти шепотом – смотри. Мы находимся здесь. Тебе нужно пойти по этой улице наверх до третьего поворота. Как повернешь напра-

во, метров через двести будет остановка электробуса 2459К. Он ходит нечасто – придется подождать. Я не знаю, сколько остановок тебе нужно проехать, но выйти тебе нужно где-то рядом с этой улицей».

Пьер записывал в ежедневнике за Оливером.

– Ты выйдешь из электробуса и пойдешь по этой улице до вот этого дома. Дом пятнадцать, корпус три.

– Корпус три... – повторил Пьер.

Оливер специально не произносил названия улиц, на случай, если их могли подслушать, чтобы не раскрывать маршруты Пьера.

– Тебе нужно будет зайти не с главного входа, а со двора. Зайди в техническую рыжую дверь между подъездами и поднимись на второй этаж. На втором этаже будет единственная дверь, в которую тебе нужно негромко постучать два раза. С хозяином познакомишься сам и скажешь ему, что от Оливера Маклотта.

– Хорошо, я понял. Когда мне нужно приехать?

– В любое время. Он работает мажордомом, поэтому все время там.

– Спасибо, Оливер.

– Пожалуйста, Пьер. Только никому ничего не рассказывай – куда и к кому едешь. В этом, конечно, нет страшного нарушения, но лишнее внимание нам ни к чему.

Пьер вышел из магазина, посмотрел на часы, прикинул время и понял, что лучше будет уже завтра поехать к зага-

дочному мажордому за... а вот зачем туда ехать, будет известно после знакомства с ним.

Глава 14. Вален

На следующий день Пьер стоял у главного входа в дом, над которым красовался небольшой информационный экранчик с номером дома: «15 корпус 3».

Как и наставлял Оливер, он обошел дом и зашел со двора. Рыжая дверь со скрипом открылась, будто была не из этого времени и не из этого Государства. За дверью было сухо и тускло, металлический серый ящик старого образца, кладовка без двери для инвентаря, а по центру старая бетонная лестница. Пьер подумал, что при отделке дома про эту часть попросту забыли строители.

Пьер поднялся на второй этаж и встал напротив черной железной двери. Два несильных стука. Через несколько минут за дверью послышались тихие неспешные шаги.

– Слушаю Вас? Кто вы? – обратились к Пьеру из-за двери.

Пьер молчал. Он не знал, нужно ли что-то отвечать. А если и нужно, то что именно? Он не нашел ничего лучше, чем еще раз постучать в дверь два тихих раза. Дверь открылась.

За порогом стоял мужчина лет сорока в синем шелковом халате, его светло-русые волосы с проглядывающейся сединой были аккуратно зачесаны назад, а борода была уложена воском и повторяла контур подбородка. Мужчина был в очках с темно-синей прямоугольной оправой.

Он внимательно посмотрел на Пьера спокойным умным

взглядом и повторил вопрос: «Слушаю Вас? Кто вы?»

– Здравствуйте. Меня зовут Пьер. Я от Оливера Маклотта.

– Хм... Понятно. Вы знаете, к кому пришли?

– Честно говоря, нет. Я даже не знаю вашего имени.

– Проходите. Разувайтесь. Обувь можете поставить в шкаф.

Пьер, не скрывая волнение, суетливо зашел в квартиру и разулся. Квартира была похожа на императорские покои, которые Пьер видел в детстве на картинах: большой холл с красно-бежевым мягким ковром, картины на стенах, небольшие статуи на постаментах, в комнате виднелись красные длинные шторы и кровать с балдахином.

Это все, что заметил Пьер, пока хозяин квартиры не пригласил его в гостиную. Они прошли через холл в центральную дверь. В гостиной стоял большой красный кожаный диван с золотыми подлокотниками, висели желтые шторы в пол, напротив дивана стоял дубовый сервант с золотой огранкой, в котором хранились книги, а около стоял небольшой лакированный стол.

– Присаживайтесь, Пьер, пожалуйста. Чай или кофе? Может вина или шампанского?

– Мне пожалуйста, кофе, если можно.

Пьер сел на край дивана, положив руки на стол. Если сесть к спинке дивана, то ноги будут парить над полом, и Пьер выглядел бы, как ребенок, а он хотел показать серьезность. Нервничал.

В холле появился хозяин квартиры, несущий две кофейные чашки из янтаря. Очень сильно запахло вкусным качественным кофе.

– Так вы, говорите, от Оливера Маклотта?

– Да.

– И точно не знаете, к кому пришли?

– Не знаю. – помотал головой Пьер.

– Хе-хе, молодец Оливер. А зачем ты пришел туда, не зная куда к тому, не зная к кому?

– Оливер сказал, что у вас могут быть книги...

– Их у меня действительно имеется немало. Но, будь ты не от Оливера...

Он сделал пару медленных глотков кофе, покачал головой от удовольствия и поставил чашку на стол. Протянув руку, сказал: «Валэн Дарк. Мажордом этого дома».

– Пирогов Пьер Римович. Экономовед Экономсовета – более полно представился Пьер

– Не удивляйтесь, это все у меня от моих предков. – сразу сказал Вален, обведя руками гостиную, чтобы избежать вопросов, на которые не имел желания отвечать, – так что вас, Пьер, привело ко мне?

– Оливер сказал, что...

– Так вы мне уже это сказали, я же ответил – книг много. Почему они вам так необходимы?

– Мне для досуга хочется почитать что-то религиозно-философское...

Пьер будто чувствовал всем телом сильную энергетику Валена, которая давила на него своей... он даже не понимал, чем именно, потому что Вален был с ним вежлив и даже учтив.

– Для досуга философия? Философией увлекаются не для досуга. Философия – это не футбол, – ответил Вален, – философия – это отдельная жизнь.

Пьер понял, что его давило. Было ощущение, что Вален, как строгий, но уважительный преподаватель, знающий правильный ответ на вопрос, пытался выдавить его из Пьера. А Пьер, как нерадивый студент никак не мог озвучить этот ответ, то есть сказать правду – зачем ему философия. Но Пьеру было тяжело это взять вот так, и сказать. Во-первых, Вален мог принять его за сумасшедшего и попросту выгнать за дверь, а во-вторых, он также мог сообщить куда следует о признаках у Пьера Черного Несогласия.

Какими-то фибрами, Вален почувствовал, что Пьер напряжен и произнес: «Пьер. Я не знаю откуда ты, возможно ехал издалека, а возможно дошел пешком за пару минут. Ты пришел ко мне с целью найти книги, а я тебе доверился и впустил в свою квартиру, лишь благодаря одному аргументу, что ты от Оливера. Ты мне уже сказал, что тебе нужны книги, которые особо не приветствуются в нашем Государстве. У тебя нет особых оснований доверять мне, как и у меня нет оснований верить тебе. Нас связывает только заинтересованность в моих книгах и знакомство с Оливером. Но мне необ-

ходимо знать кому и зачем я отдаю книгу. И уж если бы я хотел тебя сдать, сделал бы это сразу – сейчас девять пятнадцать – рабочее время. А я думаю, что твой рабочий кабинет вряд ли находится в моей квартире... Зачем тебе книги?».

Пьер подумал меньше минуты – прикинул, что действительно он потратил неделю на поиски. И вот сейчас, когда появилась вероятность получить заветные книги, он может из-за лишней осмотрительности все испортить.

Он рассказал Валену все: о себе, взглядах на мир, институте, мечтах, целях, работе, Худомысловке, Мухорогове, разочарованиях, увольнении и последней неделе в поисках.

Вален внимательно слушал, попивая кофе. Время от времени округлял глаза и морщил лоб, показывая удивление.

– Занимательно, Пьер, занимательно. Как ты думаешь, что ты найдешь в этих книгах? Расписанный поэтапно распорядок жизни? Или ты думаешь, что в таких писаниях концовки похожи на финал детектива, в котором раскрывают убийцу? – ухмыльнулся Вален.

– Я не знаю, Вален. Я просто хочу прочесть их. Возможно, я в них что-то найду для себя.

– Ты должен понимать, что такие книги несколько меняют отношение к вещам и сознание в целом. Что читать их нужно, погружаясь в смысл всем сознанием. – Вален посмотрел в глаза Пьеру – Не книга должна быть в твоей голове, а ты должен быть в книге.

Он встал и пошел в холл. Из холла было слышно, как он

открыл дверь в гардеробную, а потом позвал Пьера к нему.

В одной из дверей шкафа, за кофтами, была скрыта еще одна небольшая дверь, размером с окно. Вален открыл дверь и достал несколько стопок книг, укладывая их на табурет одну на другую.

– Пьер, тут двадцать восемь книг, которые тебя интересуют. Я готов отдать их все тебе во временное прочтение с одним условием.

– Каким, Вален? – спросил Пьер, не отводя удивленных и счастливых глаз от стопки.

– Ты никогда и никому их не покажешь и не расскажешь о них. Ими будешь пользоваться только ты один.

– Хорошо. Я обещаю вам, Вален. Никто не узнает о них.

– Пьер, если кто-нибудь узнает о таком количестве книг на такую тематику, то нам с тобой будут задавать неудобные вопросы. Ты понимаешь, о чем я? – Пьер кивнул, – Хорошо. У тебя есть сумка с собой?

– Рюкзак только.

– Если ты пройдешь до конца улицы, до дома номер один, там будет магазин. Купи самую большую сумку и возвращайся. Ездить ко мне каждый месяц за новыми книгами не стоит, ты человек здесь неизвестный, а меня знает весь дом. Если ты ко мне начнешь бегать, могут заподозрить что-то. Иди.

Пьер пулей выскочил на улицу, и помчался вдоль улицы, глотая ветер. Через двадцать минут он аккуратно складывал книги в новый чемодан на колесиках.

– Пьер, сейчас время половина третьего. Тебе лучше задержаться у меня. – сказал Вален.

Они снова расположились в гостиной, пили кофе из янтарных чашек и общались на разные темы. За четыре часа Вален успел рассказать Пьеру о себе практически все – им обоим стало легче общаться, обладая одной небольшой тайной на двоих. Теперь между ними не было посредника в виде Оливера Маклотта, а была тайна познания философских учений.

Вален принадлежал к аристократическому роду Дарков из Раннего государства Великобритании, в котором ему довелось жить до Последней Войны. Его отец был тунеядцем и алкоголиком, вопреки идеалам и ценностям рода и семьи. Во время Последней Войны он пропал – возможно погиб, а возможно обитает в лесах Южного округа. Военное время давалось Валену, как и всем, тяжело – было очень мало еды и сплошная разруха. Бомбы и ракеты сыпались, как капли дождя ежедневно, практически все деньги, материалы, ископаемые и пища шли на ведение боев между Ранними Государствами.

Мать Валена, очень образованная женщина, во время Войны работала помощником главного военного врача в одном из госпиталей на Западе. Вален только из сводок военных газет узнал о ее гибели – в главный госпиталь пятого западного фронта попала межконтинентальная ракета, оставив после себя гигантскую воронку. Валену было тогда шестна-

дцать лет. Он в этот момент находился в Лондоне – столице Раннего государства – у своего деда.

Через два года, в восемнадцать, его должны были вызвать на фронт, но этого не случилось – война успела закончиться. Паспорт Единого Государства он получил через месяц после окончания войны, с припиской к Западному Округу. Он не знает, как пришли к созданию Единого Государства, как создавали Книгу Постановлений, и кто подписывал соглашения. Никто ничего не знал. Просто в один день перестали бомбить, и в городе появился первый свежий хлеб.

К его восемнадцати годам полностью изменился ход и уклад жизни, прогресс бежал далеко вперед, а все старое и довоенное неустанно стиралось ведомствами Единого Государства. Менялись названия городов и улиц, законы, деньги и многое другое. Вален помнит, как взрослым трудоспособным людям было тяжело приспособиться к новым реалиям – потребовались годы, чтобы ход жизни был настроен без перебоев. Учился Вален на искусствоведа, как советовал ему дед. Он, по словам Валена, вообще был против изменений жизни и придерживался аристократичных манер до ее конца. Именно он накопил такую коллекцию семейных реликвий и драгоценностей и сохранил. Дед нашел в себе стойкость не распродать их мародерам в особо тяжелое время, потому что важнее аристократичного рода для него не было ничего. Он гордился принадлежностью к Даркам и передал эту гордость Валену.

После института, Вален, живший из всей семьи уже один, отправился покорять страну своими познаниями в искусстве. Первые годы он рос и добивался признания в округе, становившись лучшим театральным критиком. Потом расширил свое влияние, успешно занявшись реставрацией картин мировых художников Ранних государств, открыл музей, начал коллекционировать антиквариат. В дополнение ко всему, со временем, он стал лучшим литературным критиком и начал коллекционировать редкие старинные книги.

– А, как и почему вы стали мажордомом? – спросил Пьер после того, как Вален закончил истории из жизни.

– В каком-то году вышел закон, по которому человек без официального места работы причислялся к тунеядцам, и его отправляли на принудительные работы туда, где требовалось восстановление и строительство. Я, по некой самонадеянности, отнесся к закону холодно и невнимательно. Я был уверен, что меня этот закон не коснется, как корифея искусства и владельца музея, но владелец – это не работа, а корифей – не должность.

Вален немного грустно вздохнул.

– Э-эх... Это сейчас делают пометку ЧН и дают время на исправление, а раньше – раз – и всё. – продолжил он.

– Что «и всё»?

– Пришли, уведомили о нарушении, огласили закон, и «с вещами на выход». Квартиру со всеми реликвиями опечатали, посадили в машину с решетками и увезли на следствие.

Там признали виновным в нарушении закона о тунеядстве и распределили на принудительные работы по восстановлению Юго-Восточного округа.

– И вы тут так и остались?

– Да, конечно. За то время, пока я восстанавливал округ, искусство потеряло такую актуальность в обществе, а интересны стали только деньги. Когда срок принудительных работ закончился, я встал перед выбором – возвращаться обратно в родной Западный округ к старой аристократичной жизни или оставаться здесь, получать постоянную приписку к округу и искать работу. У меня появились за время работ какие-то связи, и я понимал, что работу в этом округе найду без проблем. Но возник вопрос: кем.

– Вы что-то пробовали?

– Нет, работа сама меня нашла. Я строил этот дом.

Пьер удивленно улыбнулся.

– Да... Когда дом был введен в эксплуатацию и начались первые заселения, потребовался мажордом, чтобы следить за порядком. – продолжил Вален.

– Вы сами вызвались?

– Нет, мне предложила компания, принимающая этот дом, и пообещала мне дать в нем квартиру.

– Оставалось только понять, когда и как мне это перевезти сюда. – Вален обвел взглядом гостиную, – Но повезло – мне сказали, что я потребуюсь только после полной сдачи дома новым жильцам. У меня появилось рабочее место и, вместе

с тем, еще месяц свободного времени. Я начал мотаться туда-обратно и перевозить антиквариат, семейные ценности, украшения, мебель, шторы и все остальное.

– И сколько вы ездили?

– Туда-обратно раз шесть или семь. Спал в поездах и самолетах. Конечно, уместить все, что было в семейном доме было невозможно, но я выбирал самое дорогое и ценное. А потом, заселившись, я выставил наш семейный дом на продажу.

– А разве вы не хотели его оставить? – удивился Пьер, – Потом переехать в него? Это же семейный очаг!

– Ты знаешь, Пьер, я подумал сначала об этом, но времена сильно изменились – деньги стали важнее всего, а заработать их критиком или мажордомом стало невозможно. А его продажа принесла мне очень хорошие деньги. Причем, я забрал все реликвии и ценности.

– Вален, а почему ты не продал бы эту квартиру?

– Эта квартира дана мне для проживания, а не в полное владение. Пока я мажордом – я живу в этой квартире. Если я уволюсь, то квартиру передадут следующему мажордому. Мог бы продать ценности? – безусловно, нет.

– Ааа... Ну, тогда это самый правильный выбор.

– Я о том же, Пьер. Я доволен своим решением. Поначалу только грустил, а потом прижился и начал получать удовольствие, коллекционировать книги, картины и антиквариат. Пишу небольшие рассказы, читаю редкие новости про об-

мельчавший мир искусства и все больше убеждаюсь в правильности своего решения.

Раздался звонок будильника из настенных часов. Вален сказал: «Без пяти шесть уже. Мне пора готовить дом к приходу жильцов с работы, а тебе уже можно выходить на улицу».

Пьер попрощался с Валеном, еще раз поблагодарил его за книги и вышел с чемоданом в руке. Он дошел спокойным шагом до остановки и сел в электробус с багажом информации. Он сгорал от нетерпения открыть первую книгу и погрузиться в нее, впитав до последней буквы, но не подавал виду, чтобы не привлечь внимания.

Глава 15. Ликвид Протекшн

Две недели пролетели очень быстро, а обязательство трудоустроиться и генерировать Родуены никуда не пропало. Пьер не мог никак оторваться от новой для него информации и жадно, не обращая внимания на даты и часы, вычитывал все до запятой. В некоторые моменты он чувствовал себя студентом, узнающим основы нового предмета – все было интересно, необычно и крайне необходимо.

В тишине запищал счетчик Родуенов. Пьер взял его в руки и удивленно посмотрел на экран – он никогда не слышал, чтобы счетчик издавал звуки и выводил на экран какую-либо информацию, кроме количества Родуенов на счету, индивидуальной нормы выработки и количества выработанных средств. На этот раз на экране отображался текст: «Уважаемый Пирогов Пьер Римович, последнее поступление средств на Ваш счетчик было более 14 дней назад»

«Хм... Да, правда. Система, видимо, пока не знает, что я уволен. Значит осталось очень мало времени для трудоустройства, иначе счетчик могут заблокировать за уклонение от работы», – рассуждал Пьер.

Блокировку счетчика и последующую отметку ЧН он не хотел, поэтому между философией и благополучием в данный момент выбрал второе. Он встал с кровати, походил по комнате, раздумывая, куда можно устроиться, потом сел за

стол и начал записывать свои качества, как работника. Пьер явно начал переживать, и это состояние ежеминутно стало расти, превращаясь в легкую панику.

«Как меня выбило-то резко», – поругал он себя.

Он понимал, что времени устраиваться на должность специалиста у него нет совершенно, – нужно будет подтвердить свои знания на собеседовании, пройти корпоративное обучение и сдать десяток тестов, – долгий процесс.

Поэтому, пораскинув мыслями, Пьер зашел в карточку компании, которой требовались младшие менеджеры по продажам чехлов. Требования к кандидату были наипростейшие. Через минуту Пьер звонил по номеру из анкеты...

18 мая 75 года Пьера официально приняли на должность младшего менеджера по продажам «Ликвид Протекшн». Теперь Пьер учился тому, как заставить человека попроситься со своими Родуенами.

Работа шла, месяцы летели. Пьеру предложили полноценную должность менеджера. С тех пор он стал посещать уже знакомые ему утренние совещания и напрямую общаться с клиентами компании.

В один из дней, на перекуре к нему подошел молодой парень с растрепанными белыми волосами и попросил прикурить.

– Я тебя не видел еще здесь. Новенький?

– Нет, уже больше года работаю здесь.

– Странно. Почему же я раньше тебя не видел? Курить

недавно начал?

– Курю тоже не первый день.

«Почему этот парень так заинтересованно пытается выяснить кто я и почему мы не виделись...» – думал Пьер.

– Савелий Гофман. Старший менеджер по продажам услуг – он протянул руку.

– Пьер Пирогов. Менеджер по продажам чехлов.

– А, ты тот, недавно назначенный? – улыбнулся Сава.

– Да, недавно повысили.

– Я смотрю, пиджак на тебе Manager, а понять не могу. Я всех менеджеров от средних до высших знаю в лицо. Ты, кстати, из немногих, кто носит форменный пиджак. Я и подумал, что ты новенький.

– А есть те, кто сразу менеджером приходит?

– Конечно. Из других фирм перебегают, либо трансфером.

– Как это, «трансфером»?

– Меняют, значит. Менеджера на менеджера или на другое должностное, или на деньги.

– А зачем так делают? Менеджер – он же везде менеджер.

– Ну ты темнота, Пьер. Вот бывает, что человек умеет продавать компьютеры, он разбирается в них с самого детства, характеристики, там, ... ядра, частоты. И логично, что работает в магазине электроники, где есть компьютеры. И делает успехи.

Пьер понимающе кивнул.

– А другой – продолжил Савелий. – разбирается в бытовой технике. В квартире чинит все сам, в бытовухе разбирается всей на отлично. Стиралки, там, печи, фены.

– А он работает... – поддержал рассказ Пьер.

– А работает он в магазине компьютеров и периферии. Работает хорошо – умеет разобраться в деталях, вникнуть и продать. Но разве компаниям, а главное самим работникам выгоден такой расклад?

– Не знаю, честно говоря.

– Выгоден, но не совсем. И кто-то из директоров, узнав о ситуации, предлагает другому директору трансфер. Как в футболе. Просто меняют «игроков» местами. Оба менеджера продают еще лучше, неся большую прибыль и себе, и компании, и на Экономику плодотворно сказывается.

– Но есть же, наверно, и другие мотивы у менеджеров работать в таких компаниях, даже при одинаковых условиях оплаты труда? Близость к дому, например, или еще что-нибудь?

– А это абсолютно не важно, ведь это экономически верное решение, а логистика до дома – это мелкие издержки.

Пьер нахмурился и хотел было ответить, что помимо Экономики должен быть и здравый смысл, но опыт и два глотка правды в Экономсовете сыграли свою роль. Пьер промолчал, дабы опять не выглядеть мудаком, но уже в глазах Савелия.

– Экономика и деньги. Что может быть важнее? – само-

забвенно продолжал Савелий.

– Да... – многозначительно ответил Пьер, опустив глаза.

На этом провокационные речи Савелия не закончились. И он продолжил пытаться Пьера своей приверженностью к государственной Экономике:

– А ты как считаешь, в нашем государстве Экономика развита хорошо или отлично? Можно ее, наконец, считать Великой Экономикой?

– Я думаю, она развита очень хорошо.

– А как тебе идеи Ригерта по развитию государства?

– Не знаю, не читал, честно говоря. – начал закипать Пьер, уже пожалевший о новом знакомстве.

Савелий чувствовал, что Пьер не разделяет его точки зрения, но пытается это скрыть. Получалось у него это отвратительно, поэтому Савелий его и допытывал, пытаясь понять, как Пьер мог стать за год менеджером, если не отдается делу полностью. Либо он очень хорошо образован и может себе позволить мыслить свободно, либо он джампер. Джамперов Савелий не любил.

Джамперов в Едином Государстве было не так много, так как нормой это не считалось. Трансфер не относился к джампингу, это была скорее взаимопомощь предприятий для роста общей Экономики. Джамперы же как раз эту экономику могли подорвать – из-за постоянной неопределённости, поисков и перемен такие люди не могли погружаться в дело и приносить прибыль, вырабатывая свою норму Родуенов.

С учетом повсеместной нормализации выработки, способов получить полную зарплату было два – либо честно работать и выполнять норму, либо проводить «междусобойчики».

Это такой вид аналогичной взаимопомощи, только наоборот, в минимальных масштабах, подрывающий Экономику. Происходила взаимопомощь не на верхах, а в низах – работниками и покупателями. Идея была в том, что менеджеры по продажам продавали товар заведомо по максимально заниженной цене, а покупатели сэкономили свое время и не проводили никаких закупочных процедур, а просто платили Родуены, не взирая на условия поставок. Идея торговли в их процессе отсутствовала напрочь, были меньше налоги с покупок, что делало казну Государства худее, а целью такого «обмена» была лишь экономия сил и времени договорившихся. Такая работа подрывала идейную составляющую в компании – другие сотрудники, глядя на джампера, вслед за ним начинали халатно относиться к своим обязанностям, падал статус как конкретной должности, так и экономики в целом. Такого допускать было нельзя, и с джамперами пытались бороться всю идеологически настроенные менеджеры высшего звена, уличая их в халатности, либо отказывая в работе без объяснения причин, и такой работник через две недели неудачных поисков попадал под ЧН, как тунеядец. Смотрели на статью увольнения, историю работы, созванивались с прежним руководством, выясняя причины смены работы.

Савелий был таким идеологически настроенным старшим менеджером. Правда, он не был непосредственным начальником, но мог повлиять на увольнение, поэтому проверял и испытывал Пьера.

После еще нескольких вопросов, Савелий потерял терпение и спросил напрямую: «Почему ты уволился из Экономсовета? Я тебе не верю и не могу понять, каким работником ты будешь».

Пьера удивила такая прямота со стороны нового знакомого. И от своего удивления он, идейно настроенный прежде экономист, выпускник одного из лучших ВУЗов, наткнувшийся на такой эгоизм со стороны прежнего руководства, рассказал Савелию свою историю в красках. Про институт, идеи и предложения и про то, какой он, оказывается, мудака (по мнению Худомыслова), про философию и его настроения.

Савелий слушал внимательно и покачивал головой в знак порицания Худомыслова. Пьер закончил диалог, прикурил еще одну сигарету и замолчал.

Савелий тоже молчал, внимательно изучая Пьера. Он совсем по-другому взглянул на него после услышанного, потому что Пьер рассказывал это с такой болью и обидой в глазах, какую сыграть невозможно.

Они были, как будто, на разных берегах, но одной реки, и оба пытались ее очистить от грязи. Конечно, после первого знакомства рано было делать выводы, но по крайней мере

ощущения были такими, что они далекие друг от друга, но родственные души.

Скорее всего, дело обстояло проще: они оба впервые встретили честного и не гнилого человека на своем пути...

***

Пьер помнил свой путь становления во взрослой жизни до мельчайших подробностей. Помнил Худомыслова и Мухорогова, Валена Дарка, Оливера Маклотта и даже начальников станций спецпоезда, хотя до сегодняшнего дня ни с кем больше не встречался.

Единственным человеком из воспоминаний Пьера, который до сих пор присутствовал в его жизни был Савелий Гофман – теперь уже его верный друг, наставник и помощник в «Ликвид Протекшн». С ним Пьер и разделил последние два года жизни и работы. Он – единственный, кому Пьер доверял свои философские рассуждения. Сава однажды даже помог Пьеру выбить очередную командировку, только уже в Восточный округ, чтобы он еще нашел себе книги. Это была настоящая командировка, в которой Пьер днями действительно работал, а по вечерам таким же образом вел поиски. Самое интересное, что Сава был очень рад успехам Пьера в поисках, когда узнавал о них. И время шло своим новым чередом с философскими трактатами, пятничными пьянками и субботними Экономическими встречами...

Глава 16.

Антигосударственная ячейка

В городе Центрального округа царила тишина и темень. Экраны на улице, свет в окнах, подсветка магазинов – все было отключено. Тишину нарушал только ветер и звук гоняемых по асфальту сухих октябрьских листьев. Пьер крепко спал после очередной пятничной гулянки с Савой. Яркий моргающий свет телевизора разбудил Пьера. На экране моргала красным светом надпись:

«Внимание! Внимание! Внимание!»

Пьер дернулся от неожиданности, протер глаза руками и машинально посмотрел на часы: «12.10.78 – 02:38».

С экрана загремел металлический голос диктора, который Пьер как-то раз уже слышал:

«Граждане Единого Государства, сегодня в два часа тридцать минут произошел вооруженный захват одной из частей Южного округа новообразованной ячейкой. Будьте бдительны. Во всех округах вводится Чрезвычайное Положение и комендантский час. Нахождение на улице, в соответствии с приказом номер шесть тысяч, разрешено с восьми утра до восьми вечера. Диктатор в настоящее время не назначен».

После сказанного диктором экран потух.

Пьер сидел в темноте и пытался понять, зачем, а глав-

ное – как и под какими предлогами в Южном округе собралась масса людей, достала оружие, избрала Главу и объявила независимость от единственного на планете, всесильного Единого Государства. Ими движет либо безумие, либо... Нет, безусловно, только безумие – ни о какой свободе речи идти не может – силы слишком неравны ни физически, ни экономически... В девять утра металлический голос снова нарушил покой мирного населения:

«Уважаемые граждане Единого Государства, сегодня во всех округах еженедельные Экономические встречи отменяются. Рекомендуем вам не покидать своих домов без необходимости и, по-возможности, не пользоваться интернетом».

Пьер напрягся, как и все население Единого Государства. Экономические встречи не отменялись никогда, даже при беспокойной обстановке в Западном округе. В отличие от того раза, сейчас все было совсем по-иному: не был объявлен Диктатор, не произошло обнуления счетчика Родуенов, не пересчитаны нормы выработок, продолжала транслироваться реклама. Если бы не комендантский час, то настоящее Чрезвычайное Положение было бы не отличить от обычной жизни. У Пьера складывалось ощущение, что это лишь маска мирной жизни. Паники в Центральном округе не было, но население беспокоила неизвестность: что будет даже через пару часов, предположить было сложно...

Через несколько дней, Пьер стал видеть в комендантском часе даже что-то привлекательное. Теперь на работе задер-

живаться было запрещено, и он погружался в чтение накопленной литературы с раннего вечера. Экономические встречи на время Чрезвычайного Положения были отменены, чтобы не допускать массового скопления людей, поэтому суббота тоже стала для Пьера таким Днем трактатов...

В какой-то из рабочих дней директор собрал весь штат «Ликвид Протекшн» в большом зале для прослушивания важного обращения. В час дня из динамиков начал вещать металлический голос мягким тембром:

«Уважаемые граждане Единого Государства. Правление Первого ранга сообщает вам, что с сегодняшнего дня, с целью контроля за экономикой, развития экономической безопасности и решения стратегических задач Государства, создано и введено в работу Министерство Охраны Экономики. Основными обязанностями настоящего Министерства являются контроль за финансовыми операциями физических лиц, поддержка Экономического совета в планировании выработки Родуена, контроль за личными средствами граждан. Основными правами являются ограничение передвижения граждан, в случае необходимости, и доступ к личным счетчикам и наличным средствам граждан. Полный перечень прав и обязанностей Министерства Охраны Экономики и его подведомственных организаций будет внесен в Книгу Постановлений главой номер Шестнадцать в течение трех дней со дня обращения».

Народ, прослушав обращение начал аплодировать и ли-

ковать в знак уважения и приверженности идеям. Из толпы слышались возгласы: «Значит нужно так!», «Правильно! Контроль нужен!», «Развитие пойдет еще выше!», «Даешь повышение норм выработки и зарплат!».

Это был еще один глухой купол, защищающий население и выстраивающий их жизнь для достижения лучшего. Еще один надзор – великий Контролёр. Мнение большинства населения гласило:

«А как без контроля жить? Как можно не только управлять, но и развивать такую громадную машину, как наше Государство? Без Правления этого бы не было. Оно, видя, что людям тяжело, хочет нам помочь и накрыть нас куполом Министерства Охраны Экономики. Все мы – одна большая машина, крутящая глобальный экономический маховик. Мы все и есть Экономика. Значит, Министерство будет охранять нас!».

С этого дня отдельным приказом была упразднена дружина, а по улицам стали ходить сотрудники МинОхЭк (или в народе – «Мохэк») и осуществлять контроль и проверку граждан, машин, квартир, счетчиков, бумажников и всего того, что могло бы показаться им интересным к изучению. Статья ЧН осталась, но приняла новый оборот – теперь она касалась безопасности Экономики Единого Государства. Сотрудники Мохэк внешне сильно отличались от дружины – они были одеты в форменную черную одежду с белыми повязками на плече с изображением Родуена. Джинсовый чер-

ный пиджак был обшит белыми нитками, а на черных джинсах крепился белый кожаный ремень с крупной белой пряжкой.

Чрезвычайное положение отменено не было, обстановка на Юге не менялась – это основные аргументы для накопления и сбережения личных средств. Они, в случае крайней необходимости, могли пойти на поддержку сил Единого Государства. Сава забыл про дорогую машину, поснимал и попрятал дорогие часы и куртки. Все знакомые Пьера резко преобразились, надев более простую одежду и сняв дорогостоящие аксессуары.

Общегосударственным вектором стал не просто Родуенооборот для пополнения казны, а генерирование и накопление для решения тяжелых задач в случае их возникновения. Пьер понимал, что теперь к нему в квартиру имеет право пройти сотрудник Мохэк и провести обыск. Он спрятал свои книги под паркет. Правда, через пару дней перепрятал в кровать, вспоров и зашив обратно с книгами внутри. Это он сделал после того, как сотрудники Мохэк все-таки догадались вскрыть паркет у одного из сотрудников «Ликвид Протекшн» и обнаружили там запасы денег и украшений.

В течение месяца контроль со стороны Мохэк нарастал, их полномочия принимали новые обороты и расширялись. Даже, скорее, не расширялись, а трактовались более обширно, к излишней растрате средств отнесли даже косметические средства. Соответственно, производство многих линий кос-

метики закрылось, а заводы, на которых они производились, переданы во владение Главного Технолога для перекраивания завода под тяжелую промышленность.

Двадцать седьмого ноября семьдесят восьмого было впервые объявлено о планируемом выступлении Генерального Экономиста – событие глобального масштаба. Выступление запланировано было на полдень субботы – любимое время ГенЭка.

В назначенный день, в назначенное время прогремел Гимн Единого Государства и самый известный голос объявил:

«Уважаемые граждане Единого Государства! Сообщаю о начале личного обращения к вам Генерального Экономиста Единого Государства Кристаллова Экрода Мировича!»

В центре ромашки на площади стоял тот самый ведущий Экономических встреч, только одетый во все черное, с белой вышивкой вокруг кармана пиджака и белым изображением Родуена.

«Здравствуйте, соотечественники! – начал свое обращение Кристаллов – В данное время, особенно после создания Министерства Охраны Экономики, контроль сильно усилился, а требования, предъявляемые к гражданам, и меры пресечения нарушений ужесточились. Хочу всех уверить, что сделано это из крайней необходимости по случаю ведения боев в Южном округе. Это временное решение, которое принять было тяжело, но необходимо. Мы сообща боремся за

наше светлое экономическое будущее! И я уверен, что с вашей поддержкой и под надзором Министерства мы довольно скоро придем в это будущее!».

Похоже, что наступали тяжелые для государства времена, раз Правительство решило открыть личность Кристаллова. Кто бы мог подумать, что оратор-проводник в будущее – это сам Генеральный Экономист – великий, жесткий стратег и сильный математик.

Этим шагом «открытия завесы тайны» перед народом Префект хотел показать единение страны и полное участие всех в решении конфликта, не взирая на ранги. Подействовало.

Народ начал аплодировать и ликовать. Люди на площади, перед экранами телевизоров и смартфонов чувствовали, как становятся на несколько ступеней ближе к Первому рангу, что уже было невероятным подарком.

«Прошу вас строго соблюдать новые предписания. Они составлены для блага нашей страны и каждого из вас. Прошу вас подчиняться и оказывать всякое содействие сотрудникам Мохэк. Они работают сутки напролет в такое нелегкое для страны время, чтобы предотвратить сдвиг Экономики в худшую сторону. Они – атланты, на плечах которых сейчас лежит безопасность экономики».

Толпа загудела овациями: «Правильно!», «Ура Префекту!», «Ура Великой Экономике!»

«Лично сам Префект взял это на свой контроль в такое сложное время! Ура Префекту!» – ГенЭк вытянул сжатый кулак вверх.

Народ подхватил: «Ура-а-а Префекту! Ура-а-а Префекту! Ура-а-а Префекту!»

Кристаллов, приложив тот же кулак к груди, заговорил тише:

«Я надеюсь и рассчитываю на вашу поддержку. Нам она сейчас очень важна. Спасибо, вам, соотечественники. Скоро придем к нормальной жизни, отменим комендантский час, повысим норму выработки. А когда зачистим страну от остатков антигосударственной ячейки, то опять ослабим контроль за вашими действиями».

Обращение закончилось, металлический голос призвал всех отправиться по домам для безопасности.

Прошла еще неделя ограничений, но уже легче, потому что слова Генерального экономиста внушали доверие, тем более, что выступал он лично, открыв себя народу.

Глава 17. Положение

На площади у горы Кайлас в этот раз былолюдно и празднично. Все было украшено цветами, свечами и фонариками, люди веселились, смеялись, дарили друг другу цветы и украшения, танцевали, играли на флейтах, пели мантры и обнимались. В воздухе витали манящие запахи напитков, еды и благовоний. По центру площади стоял длинный стол, заставленный разными блюдами и кувшинами с цветочным чаем.

Пьер бегал глазами по площади в поисках Рахулы.

– Здравствуй, Пьер! – раздался за спиной голос Рахулы.

– Привет, Рахула. А что у вас здесь?

– Друг мой, сегодня Весак! – радостно ответил Рахула – Праздник жизни! Праздник Будды! Поздравляю тебя! – и протянул Пьеру свечи, небольшой букет горных цветов и несколько палочек благовоний.

Рахула весь светился изнутри, глаза блестели ярче обычного. «Пойдем к столу, угощайся. Только здесь момо нет, только вегетарианские блюда. Чай из цветков тебе очень понравится!» – он взял Пьера под руку.

Вдруг с лица Рахулы пропала улыбка, оно сделалось серьезным и безэмоциональным, губы превратились в одну нитку, а глаза уставились на Пьера. Рахула заговорил непривычным для него тембром: «Внимание. Внимание. Внима-

ние» – «Рахула, что происходит?» – «Внимание. Внима...»

Пьера резко выкинуло из сновидения в суровую реальность, экран телевизора моргал с звуковым сопровождением:

«Внимание! Внимание! Внимание!»

Пьер бросил испуганный растерянный взгляд на часы: «07.12.78 – 03:07».

Заговорил диктор:

«Граждане Единого Государства, сегодня в три часа пять минут Южный округ полностью перешел под контроль новообразованной антигосударственной вооруженной ячейки. Данной антигосударственной ячейкой провозглашено создание Нового Государства на территории захваченного Южного округа. В Едином Государстве вводится Военное положение».

Через минуту диктор повторил свое обращение, которое ударяло Пьеру по барабанным перепонкам не хуже колокола. Пьер нервно закурил, не осознавая, что требуется делать в такой ситуации.

Пьер просидел в тишине два часа, пачка «Мольро» опустела, и он на полусогнутых быстро проскакал на кухню, не включая свет. Во всем большом многоэтажном доме царилла темнота и тишина. Могло показаться, что люди проспали обращение, либо отнеслись наплевательски к введению нового режима и легли обратно спать. Как бы не так! Пьер загривком чувствовал, как накалилась атмосфера в доме – весь

дом, словно единое целое, затих в ночи. Как серая мышь, спрятавшаяся в норке, боится шевельнуться, чтобы ее не обнаружили.

До сих пор в стране не объявлялось военного положения. Оно случалось в Ранних государствах, но из-за стирания большинства историй никто не знал, что делать в таком случае.

В шесть часов утра было еще темно, но спать не хотелось. Пьер пошел на кухню и включил чайник – кофеваркой он пользоваться не хотел – очень шумная. Это было бы сейчас ни к месту. Чайник вскипел, и Пьер залил растворимый кофе в самой большой кружке, что у него была, сел за стол, поставил перед собой часы и ждал. Ждал нового обращения или любой информации. Интернет был отключен. Ему казалось, что с минуты на минуту должно быть новое обращение...

В шесть тридцать для буднего утра на улице было странно пусто. У Пьера складывалось впечатление, что спал только он и проспал эвакуацию. Тихо, темно и безлюдно. Стало страшнее, но выбегать на улицу не было никакого желания.

В семь утра загорелись экраны на улице, и Пьер высунулся в окно, опираясь руками на заснеженный подоконник. Экраны были полностью серыми. Заработал телевизор:

«Внимание! Внимание! Внимание!»

Граждане Единого Государства, в связи с объявлением войны Новому Государству в Южном округе, сегодня в три часа пять минут утра было введено Военное положение

на всей территории нашей страны. Прослушайте обращение Префекта Единого Государства, которое начнется через пятьдесят девять секунд»

На экране начался обратный отсчет времени. Самая долгая минута в жизни Пьера. Таймер остановился на значении «00:00».

Экран загорелся черным светом. Глубокий, медленный басистый голос окатил всю комнату. Казалось, что звуковые волны проникали во все тело, и тело начинало вибрировать:

«Здравствуйтесь, жители нашей страны. Здравствуйтесь, мои соотечественники... Сейчас в нашем Едином Государстве, как вы знаете, сложные времена. Государству нужна ваша поддержка. Но уверяю вас – оборонительной мощи хватает для сдерживания сил противника. Для полной победы на территории нашего Южного округа нам необходимы дополнительные военные ресурсы. В связи с этим я ввел военное положение в стране. Стране необходимы дополнительные орудия и снаряды. На рубежах Южного фронта нам необходимо подвергать массивным ударам горную местность, вести бои в которой крайне сложно...»

Вдруг телевизор выключился. Минута тишины. Пьер в ожидании и непонимании наклонился ближе. Подумал, что соединение плохое, но проверить это было невозможно – телевизор был установлен вровень со стеной. Через полминуты он опять заработал:

«Уважаемые граждане Единого Государства, в стране про-

водятся электромагнитные диверсии, сигнал может прерываться, наши специалисты отражают магнитные атаки и восстанавливают сигнал. Не отходите от источников информации. Обращение Префекта Единого Государства продолжится через десять секунд».

Обратный отсчет. Снова глубокий бас Префекта:

«Жители страны, в связи с этим считаю необходимым половину заводов каждого Округа переоборудовать под заводы оборонной промышленности. Поручаю вести контроль за переоборудованием Главам Округов и отдавать все необходимые приказы и распоряжения».

Телевизор снова выключился. Минута, две, три... Через чертовски долгих семь минут трансляция началась сразу с отсчета пяти секунд, после которых Префект продолжил:

«Главному Технологию поручаю вести наладку оборудования на заводах и контроль за производством оборонной продукции. Чину, отвечающему за развитие транспортных путей сообщения, назначенному Седьмого декабря настоящего года, поручаю вести контроль за логистикой и достичь минимально возможных значений времени доставки оружия на рубеж Южного фронта. Главному медику поручаю собрать необходимый объем лекарственных средств и персонал и направить на рубеж Южного фронта. Директорам предприятий перераспределить штат сотрудников на оборонное производство на соответствующие заводы. Жители Единого Государства, всю информацию вы получите от ди-

ректоров предприятий и непосредственных руководителей. Добровольцы, желающие поддержать страну на рубеже Южного фронта, обращайтесь в ближайшее ведомство Министерства Охраны Экономики».

Раздав распоряжение и ценные указания, Префект замолчал на десять секунд и потом закончил свое обращение:

«Приказываю: Диктатором на время Войны с Новым Государством до момента его окончательной капитуляции и восстановления мирной жизни в Южном округе назначить Семигорова Юпитера Норовича. Приступить к выполнению должностных обязанностей с момента оглашения приказа».

Телевизор выключился, часы показывали девять утра. Пьер взял телефон, зашел в контакты и позвонил по номеру: «Алло, Сергей Алексеевич, здравствуйте... – Это Пьер Пирогов, менеджер отдела продаж товара... – Да, в отделе... – В офис сейчас? ... – Понял, Сергей Алексеевич, буду через час... – До встречи».

На улице происходило не обычное буднее столпотворение, а настоящий хаос: толпа была похожа на беспокойное Азовское море, волнами набегающее в метро и ударяющееся о стены перехода; длинное полотно людей безостановочно двигалось к метро, не замечая на своем пути ничего. В толпе находились находчивые, которые бежали наискосок от «стенки» до «стенки» волны, тем самым сильно ее обгоняя. Почти на каждом человеке был рюкзак, как будто они были одной большой тургруппой, идущей в поход. Пьер аккуратно

влился в поток и последовал к метро.

В отделе были почти все на своих местах в верхней одежде и с рюкзаками на столах, пахло сыростью и потом. Пьер, оглядев отдел, кивком молча поздоровался со всеми и сел на свое место, скинув рюкзак на пол. Когда отдел полностью собрался, в дверях появились Старший менеджер отдела Сергей Алексеевич Памонов, начальник завода производства продукции Виктор Рохля и директор компании Ким Фокс. Фокс сразу заговорил:

«Значит. Информировать и координировать действия до момента передачи полномочий военной диктатуре поручено мне. Сейчас мы с моими коллегами ознакомим вас с раскладом на ближайший месяц... Значит. В связи с приказом Префекта нашего Государства, наши два завода по производству Ньютоновской жидкости и производству продукции из нее будут переоборудованы под производство оборонной промышленности. Завод, на который отправитесь вы, будет переоборудован под производство оборонительных плазменных щитов».

Люди начали перешептываться о том, что абсолютно не обладали знаниями в области обороны и вооружения. Фокс не обращал на шепот внимания:

«Значит. На завод под руководством Рохли Виктора Ивановича для переоборудования вы отправитесь сегодня после нашей встречи. Вы должны понимать, что законы военного положения жестче и строже, поэтому рекомендую беспреко-

словно выполнять приказы вышестоящего руководства. Понятно?»

«Понятно.» – хором ответили сотрудники.

«Виктор Иванович, пожалуйста» – протянул он руку к Рохле.

Сухой мужчина лет пятидесяти с впадшими щеками сделал шаг вперед. Он провел рукой по черным волосам, пригладил толстые усы ровно над верхней губой, поправил черные квадратные очки и заговорил сипловатым, глухим прокуренным голосом:

«Здравствуйте, работники завода по производству оборонных плазменных щитов. Со мной вы не знакомы, но скажу сразу – времени привыкать друг к другу у нас нет. Моя и ваша основная задача на ближайшую неделю – это переоборудовать и настроить завод под военные нужды правления. Рекомендую работать быстро и четко».

Рохля, Фокс и Памонов пожали друг другу руки, и Фокс с Памоновым ушли. Рохля скомандовал: «За мной! На завод!».

Глава 18. ОПЩ

Прошло три недели непрерывной работы на заводе ОПЩ – так сокращенно называли оборонные плазменные щиты. После переоборудования завода, производством стал управлять специалист военно-химической промышленности, Легат Секретной Резервной Службы Корбат Клим Климович. Он был обязательным, дотошным до жути и упёртым правдорубом, постоянно припоминающим, что «просидел на Севере столько лет не для того, чтобы буи пинать, когда стране нужна поддержка».

В Едином Государстве вместо постоянной армии действовала Секретная Резервная Служба (СЕКРЕЗ). Правда, информация о ней была строго засекречена для всего Государства, за исключением Северного округа – его жители и составляли штат СЕКРЕЗ, которым с самого рождения определяли судьбу тягот и лишений службы.

На протяжении трех недель Пьер впитывал огромное количество информации про физические и химические свойства плазмы, способы ее обработки и конструкцию щитов. Ему даже один раз приснился Рахула с лабораторной колбой в руках вместо цветов...

30 декабря большие электронные часы на стене завода противно запищали, сообщая о конце рабочего дня. Пьер отложил на верстак вакуумный прессователь плазмы и ото-

двинул две металлические балки на колесах, в которые он запрессовывал плазму. Прозвучал знакомый электрический голос из колонок завода:

«Внимание! Внимание! Внимание!»

Диктор сообщил об обращении Диктатора Единого Государства Семигорова Юпитера Норовича. Из колонок раздался резкий, почти кричащий голос Диктатора:

«Рабочие, медработники, генералы, военруки, легаты, курсанты Секретной Резервной Службы и сотрудники Мохэк, участвующие в боях за Южный округ и контролирующие безопасность в других округах, Правление второго ранга, осуществляющее управление, главы округов... хочу вам сообщить, что войска Единого Государства продвинулись на Юг и заняли северную часть Южного округа. Рубеж перемещен на двести тридцать километров южнее. Призываю работать всех активнее для эффекта инерции!»

Обращение закончилось, Пьер вздохнул, сложил перчатки и направился к выходу с завода. Ночью он спал плохо – ему снился сон, но не осознанный, а какой-то бред. Рахула в красном халате с белой бахромой и сапогах, убежал от него с подарком, перевязанным красной ленточкой. Пьер во сне пытался догнать его, но это ему не удавалось, и он кричал: «Рахула, стой! Куда ты? Это я – Пьер!». А Рахула отвечал ему своим звонким голосом: «Внимание! Внимание! Внимание!».

И Пьер ничего не мог сделать, это был самый обыкновен-

ный сон, в котором личность Пьера не участвовала абсолютно, а мозг нахально преобразовывал полученную информацию, как тому вздумается.

31 декабря впервые на экране телевизора появилось квадратное грубое лицо Диктатора с густыми черными бровями и черным чубом волос, выглядывающем из-за черной фуражки. Раздался кричащий резкий голос Семигорова:

«Жители Единого Государства, этот год был трудным и плодотворным! Я от лица Правления благодарю вас. Мы бы закончили этот год в большом плюсе выработки Родуенов, по сравнению с предыдущим, но какая-то мразь создала антигосударственную ячейку и захватила вооруженным путем наш Южный округ! Мы боремся и отбиваем обратно наш округ с вашей поддержкой! Желая вам крепости, жесткости и выносливости в наступающем году! С Новым годом!»

При произношении шипящих и свистящих букв, Семигоров сильно скалил зубы, а при произношении букв «а» и «я», широко раскрывал рот, отводя челюсть в бок.

Пьер открыл шампанское, налил в бокал, сказал «жестковато конечно» и выпил залпом.

От тумбы, на которой лежал смартфон и счетчик Родуенов, появился свет. Дисплей смартфона говорил об одном уведомлении. Пьер разблокировал экран и увидел, что Савелий Гофман отправил ему одно сообщение: «Привет, Пьер! Поздравляю тебя с Новым годом! Желая успехов и мира! Как ты?».

Пьер быстро напечатал ответ, завязав диалог online:

«Здравствуй, Сава! И тебя с Новым годом! Я нормально, работаю на соседнем с тобой заводе. Правда, никак не свидимся» – «Пьер, я не на заводе. Стараюсь писать быстрее. По сообщениям от информанщников, сеть включили на десять минут» – «А где ты работаешь?» – «Я теперь сотрудник ведомства Мохэк. На рубеже Южного фронта. Правду сказал Диктатор – на 230 километров продвинулись с седьмого числа. Я тебе потом все расскажу, как вернусь!» – «Как же так, Сава? Зачем? Как там? Сильно стреляют? Переговоры будут?» – «Стреляют постоянно. Я нормально, контузия была. Про переговоры ничего не понятно, не можем с ними связаться» – «Когда ты обратно в Центральный округ?» – «Когда война кончится».

Пьер смотрел на время в верхнем углу – «00:09» – и ускорился, набирая сообщение.

«Сообщение не отправлено»

Он еще раз нажал на кнопку «Отправить»:

«Сообщение не отправлено»

Пьер попытался позвонить, но это было наивно – «Нет связи» ...

К марту Семьдесят девятого ситуация с продовольствием и оборонным производством стабилизировалась – продукты питания равномерно распределялись между всеми округами, полностью отлажены поставки оборонной продукции на фронт.

Снег таял, ситуация в стране, казалось, стала улучшаться – Диктатор Семигоров реже выступал с громкими, во всех смыслах, заявлениями. Война проходила в состоянии стагнации. Пьер жалел, что ему не удалось связаться ни с Валеном по поводу возможного переезда на Восток, ни с Савой из-за постоянных обрывов сети интернета.

Правление первого ранга отказывалось признавать Новое Государство на политической арене, но переговоры состоялись, когда они, наконец, вышли на связь. Со стороны Единого Государства выступали Диктатор Семигоров Юпитер Норович и Генеральный Экономист Кристаллов Экрод Минович, а со стороны Нового государства Сатрап – правитель государства Ахемен Дариев и Темник – военный начальник Бесс Мазеев.

Основными условиями для полного прекращения ведения боев на новоустановленном рубеже Ахемен Дариев называл восстановление трубопровода в Южный округ для подачи чистой питьевой воды. В таком случае границы останутся в настоящем положении для обеих стран. Со своей стороны, Новое Государство обещало пустить дополнительную трубу снабжения газом в Центральный округ и поставлять все имеющиеся энергетические ресурсы такие, как газ, нефть, а в большей степени уголь. Уголь был не только энергетическим ресурсом, а еще и важным фильтрующим элементом в условиях преимущественно грязной среды.

Единое Государство поставило ультиматум Новому госу-

дарству о наращивании бомбардировок по всей площади Южного округа, в случае продолжения оккупации, и полный обрыв всех логистических поставок для жителей округа со стороны Единого Государства. Долго в своем климате без поддержки и ресурсов не продержаться – они будут слабеть с каждым месяцем.

Новое Государство в ответ также ультимативно заявило, что в случае обрыва поставок воды и продовольствия, их войска, собравшись в полном составе на рубеже фронта, двинутся вперед и не остановятся ни перед чем.

22 апреля 79 года в шесть часов утра Диктатор Семиго-ров в срочном обращении объявил о начале крупнейшего наступления войск Единого Государства на Новое Государство. Предполагалось, что в жару им попросту не выжить без питьевой воды, поэтому это было лучшее время для наступления. Бои длились до 30 мая семьдесят девятого, рубеж фронта смещался постоянно южнее, а с наступлением лета войска Единого Государства начали двигаться с большой скоростью на юг, зачищая свои территории от остатков войск Бесса Мазеева. 12 июня Секретная Резервная Служба заняла Великую впадину в центре Южного округа, в которую с помощью строительной сверхтехники сбросила все укрепления и артиллерию Нового государства, засыпав песком пустыни, и продолжила наступление на юг по прямой...

Глава 19. Апрельский южный фронт

Савелий сидел в песчаном окопе, держа в руках автомат Ригерта. Ранее черная выглаженная форма Мохэк теперь была потёртого серого цвета, потрепанная и обвисшая. Ремень, который когда-то был белым, сильно свисал и болтался на бедрах. По новой информации, остался последний бросок на Великую Южную пустыню, после которой можно было бы провозгласить победу в войне. Операцией руководил лично Диктатор, находившийся в штабе рубежа.

Войска Единого Государства занимали Северную часть пустыни, растянувшись по всей ширине. Плазменные щиты защищали их от ударов артиллерии, перед которыми стояли ракетные установки по всей длине рубежа.

Последняя батарея Нового государства заняла пустыню от южного края, омываемого океаном, до центра. Командование батареей взял в руки лично Сатрап Ахемен Дариев.

– Что ж сеть-то не работает. Падла. – сказал Сава товарищу по окопу.

– Да черт ее знает, скотину! – ответил товарищ.

– Сколько мы уже тут торчим? Три дня?

– Ты че, ё-моё? Уже больше недели!

– Неделю! Когда пойдём-то, как думаешь, Тафьев? – спросил Сава.

Его товарищем по окопу был Тафьев, который родился, рос и служил в Северном округе – прирожденный воин. Для Сава же военное дело было неизвестным и чуждым, но мастерство, с которым владел военным делом Тафьев, завораживало его похлеще волатильности Родуена.

– Пойдем тогда, блин, когда прикажет Диктатор. – ответил Тафьев.

– А вот ты бы, когда скомандовал бой? – затягиваясь и шурясь от палящего солнца спросил Сава.

– Гофман, откуда мне знать-то, блин. Я ж бригадой только командовал.

– У тебя опять сочтется там... – на свежем бинте, намотанном вокруг шеи Тафьева, опять появилось красное пятно.

– Да, блин, черт с ней. Обработали хреново. Я же говорил прижечь нужно было. Блин!

– А ты представь, что у тебя в подчинении бригада в триста человек. – продолжил Сава.

– Дык, это уже не бригада выходит, Гофман.

– Ты понял, о чем я – триста шапок с автоматами.

– Ну... Блин. Я бы скомандовал еще 1 июня, когда ночи были длиннее. И выступать ночью.

– Почему ночью-то?

– Прохладнее. Больше смогли бы пройти.

– Ааа... – протянул Сава.

– Наука, блин...

Численность войск, которые остались после боев была неравна – триста человек и двадцать единиц артиллерии Единого Государства против сорока человек и трех единиц артиллерии Нового. Семигоров не хотел терять ни людей, ни технику – поэтому ждал, что боеприпасы артиллерии кончатся у противника – крепости щитов хватало. Из кабинета Диктатора был слышен его разговор по телефону:

«Они думают, что достанут наши войска снарядами, господин Префект... – Да, снарядов по нашим подсчетам осталось немного... – Да, у нас полный боекомплект... – Планирую выступить через день, господин Префект... – Спасибо, господин Префект... – До свидания».

Семигоров повесил трубку телефона, откинулся в кресле, посмотрел в потолок и крикнул: «Комендант!».

– Слушаю, господин Диктатор. – отстучал заскочивший в дверь Легат.

– Связь к Ахемену провели?

– Да, господин Диктатор.

– Звони в штаб Ахемена.

– Слушаюсь!

Прошло три минуты.

– Соединено, господин Диктатор! – крикнул Легат.

– Алло. У аппарата Диктатор Единого Государства Семигоров Юпитер Норович. Ахемен, слышишь меня?

– Да, слышу Семигоров. Говори, что хотел. Отступаете? –

язвительно ответил на другом конце провода Сатрап.

– Нет, Ахемен. Не дожدهшься.

– А зачем звонишь?

– Сдавайтесь, Ахемен. Вам осталось жизни три дня. Сохрани ее и себе и твоим бойцам.

– Если ты думаешь, что, добравшись до Бесса, вы меня запугали, то это не так. Ты неправ, Семигоров, только сделайте шаг в центральную часть пустыни – нам терять нечего.

– А жизнь?

– А какая жизнь будет, если мы сдадимся?

– Жидкая и питьевая.

– Мы воду сами возьмем, когда придем в ваши другие округа.

– Ты сильно только не гони, Ахемен! Дай убежать нам! – громко и надрывисто говорил Диктатор с сарказмом.

Ахемен заверещал противным смехом в трубку, сказал «да куда вы убежите то, бараны?» и бросил трубку.

– Отлично. – сказал Диктатор – Комендант! Обрывай связь со штабом Ахемена. Войскам приказ о полной боеготовности. Чистить оружие и усилить на двенадцать часов щиты. С утра раздать бойцам лазерные ежи, проверить состояние индивидуальных плазменных щитов.

– Слушаюсь. – выпрямился комендант.

Всю ночь лупило так, что щиты чуть ли не лопались. Это была больше не артиллерийская, а психологическая.

– Во долбит, мразь! – ругался Тафьев.

– Да, неслабо. – отвечал Сава.

– Да херачат ужасно. Спасибо заводам за щиты, да?

– Да-а-а. Иначе, каюк всем нам тут был бы.

– Это уж точно! Ха-ха-ха – бешено посмеялся Тафьев.

Тафьев был ростом под два метра, с грубым голосом и тяжелой рукой. Он носил черные очки даже ночью и бороду до груди, поэтому, когда он смеялся, становилось только страшнее, но никак не веселее. Тафьев был жестким, агрессивным и воинственным. Он, причем, это объяснял: «Я, блин, снег жрал волчьим хвостом в лесу Серверного округа, пока ты Родуены считал». И поспорить с этим было трудно. Но с Савой они нашли какой-никакой язык.

Удары по щитам кончились в десять сорок утра 13 июня. Час тишины, два...

После двенадцати часов тишины, в одиннадцать вечера, в кабинет Диктатора вбежал Комендант:

– Господин Диктатор, к нам движутся войска Нового государства. Они двинулись с центра Великой пустыни и идут по буферной зоне к северу.

– Сколько у нас времени?

– Часа два на опережающий удар, пять часов на оборонительный.

– Информация точная?

– Точная, Юпитер Норович.

– Хорошо! – вскрикнул Диктатор, – Буди состав! ...

15 июня в 10:00 на заводе ОПЩ из колонок раздалось

всем знакомое:

«Внимание! Внимание! Внимание»

По заводу прокатился резкий кричащий голос Семигорова:

«Жители Единого Государства. Я прямо с поля боя сообщая вам о том, что сегодня пятнадцатого июня семьдесят девятого года в девять часов пятнадцать минут был отвоеван последний город Южного округа. Войска Нового государства полностью уничтожены. Самопровозглашенный Сатрап Ахемен Дариев арестован и передан в Министерство Охраны Экономики. Новое государство капитулировало и полностью закончило свое существование».

Вверх полетели кепки и перчатки – народ ликовал. Из колонок раздались вступительные слова диктора, после чего заговорил сам Префект:

«Здравствуйте, Жители страны! Поздравляю с окончанием войны! Приказываю освободить от занимаемой должности Диктатора Семигорова Юпитера Норовича. Военное положение в стране снимается. Вступают в силу нормы жизни, работы и отдыха по закону мирного времени. Всем вернуться к работе на прежние места для восстановления выработки Великого Родуена!».

Глава 20. Свобода?

Пьер стоял на улице около завода, смачно затягивался сигаретой Мольро и наслаждался размеренностью мирной жизни, в которой кроме нормы выработки Родуена больше нет ничего. Постоянная напряженная работа на пределе сил выпили его жизненные силы. И не только его, разумеется.

Горячее полуденное солнце прогрело Пьера до косточек, забираясь в самые дальние части его организма, промерзшие еще с тяжелой военной зимы. Экраны на улице были отключены – вероятно, их настраивали под актуальную послевоенную информацию. Напротив завода росла небольшая аллея из молодых тополей. Зеленые мягкие листья, шуршащие от ветра, переливались на солнце. Пьеру это напомнило из детства картину Клода Моне «Женщины в саду». Он вспомнил это ощущение тепла, любви и защищенности, внутри все затрепетало, и настроение заметно улучшилось...

Глава 21. Лифт

Пьер понял, что открыл глаза раньше обычного, потому что находился в абсолютно темном пространстве. Он сначала подумал, что проснулся в своей комнате, а такая темнота была из-за ночного дождя и туч, но его смутило в этой версии то, что он не ощущал ничего – ни давления головы на подушку, ни одеяла, ни веса тела. Он парил в темноте, как в океане на глубине, до которой не доходит свет. Он попытался повернуться, чтобы посмотреть назад, но у него ничего не вышло – тело было непослушным, как заржавевший механизм.

«Возможно это состояние и называют «между жизнью и смертью» – подумал он – не хватает только света в конце тоннеля».

Глаза уловили легкое свечение в пустоте, похожее на самое начало рассвета. Свечение увеличивалось и превращалось в вибрирующий желто-белый диск, освещавший тело Пьера. По мере увеличения диска, Пьер понимал, что он летит к объекту света, а не просто парит в пространстве. Диск становился все больше и начинал вибрировать. Скорость заметно возросла, и вибрация разлилась по всему телу. Это несравнимое чувство усиливалось с каждой секундой. Пьер, по ощущениям, был пулеметом, из которого стрекочут пули

одна за одной, но внешне руки и ноги, на которые он мог посмотреть, были неподвижны. Вибрация проходила внутри, либо «пробегала» извне через мышцы и кости и трясла само нутро.

Спустя несколько мгновений, вибрация, достигнув предельной частоты, превратилась в звук работающей электробритвы. Желто-белый диск резко сузился, и Пьер, как баскетбольный мяч, на большой скорости проскочил в него. Его снова опрокинуло в сон.

Второй раз он открыл глаза уже на площади около Кайласа. Оглядевшись по сторонам полупустой тихой площади, он развернулся и по-свойски пошел к дому Рахулы. Он уже был хорошо знаком с этим поселением, ставшим для него вторым домом. Рахула стоял у стола и раскатывал тесто.

– Привет, Рахула. – сказал из дверей Пьер.

– Здравствуй, Пьер! Рад тебя видеть! Давно тебя не было у нас.

– Да, реже стало получаться почему-то. Я думал, это ты меня не пускаешь сюда.

– Да ты что? Я всегда рад тебе, Пьер! Значит твое время было не здесь.

– Как же? Почему?

– Помнишь про Солнце, Луну и ветер? Всему свое время. Ты должен был решать другие вопросы. – поучительно сказал Рахула, продолжая катать тесто.

– А где же я должен быть по ночам, как не во сне?

– Во сне, но в другом.

– Странно, но мне ничего не снилось почти месяц. Да и последние полгода, кроме редких встреч с тобой.

– А, ну это значит, что твоему сознанию нужно было отдохнуть. Возможно, ты был перегружен у себя там...

– Я не могу найти своего друга. Сава после войны не вернулся.

– А ты не можешь с ними связаться никак?

– Нет, он давно не заходил в соцсети.

– Может быть, он просто потерял телефон? – спросил Рахула.

– А ты знаешь, что такое соцсеть? – удивился Пьер.

– Конечно-е-ечно, – протянул Рахула – и «соцсеть», и «мемчик», и «стикер».

– Ухты! А откуда? У тебя же даже телефона нет...

– Не обязательно что-то иметь, чтобы знать об этом. – улыбался Рахула.

– Ну, а как ты об этом узнал? От кого?

– Ни от кого-то конкретного, я просто это знаю. Вот, откуда ты знаешь, что... Что пар поднимается вверх, чтобы потом пошел дождь?

– Ну, метеорологи так говорят. И ученые.

– Но лично же ты этот пар не видишь, верно?

– Да, но я нахожусь в обществе, которое занимается различными замерами природы и ее явлений.

– Но есть же вещи, которые обществом уже не измеряют-

ся, а принимаются как истина?

– Соцсеть – это истина? – потерял нить разговора Пьер.

– Нет. – засмеялся Рахула.

– Да ты меня разводишь! – с улыбкой вскрикнул Пьер.

Рахула еще сильнее рассмеялся.

– Пьер, когда следишь за движением небесных тел, временем, материей и живешь по законам природы, ты не нуждаешься в гаджетах, даже если знаешь о них все.

– О-о-о, а я думал, что твое поселение – это какая-то параллельная реальность.

– Это с какой стороны взглянуть.

– А с какой нужно?

– Если, например, видеть в нашем обществе только чудаковатых медлительных поселенцев подножия Кайласа, занимающихся собиранием цветов и пастьбой яков, то, вероятно, сложно представить нас со смартфоном в руках.

– Это верно. – подтвердил Пьер.

– Да. Но если отбросить быт и посмотреть на нас, как на общество, которое следит за Солнцем и Луной, ветром и огнем, движением времени и материи, то смартфон, соцсеть и молекулярная кухня уже не кажутся такими сложными и неизвестными для нас штуками.

Пьер задумался.

– Как ты думаешь, Пьер. Как ты сюда попадаешь? – продолжил Рахула.

– В этот раз как-то по-иному.

Он рассказал Рахуле про сон во сне с диском и вибрацией. На что Рахула ответил, что «Пьер действительно чуть раньше соединился со своей личностью и увидел момент перемещения на Кайлас».

– Так ты, получается, знал, как я сюда попадаю? – удивился Пьер.

– Скажем так, догадывался. – улыбнулся Рахула. – Угощайся! – он поставил на стол широкое деревянное блюдо с лепешками и чайник с чаем.

– А почему тогда сразу мне не сказал?

– А ты, разве, еще не понял?

– Нет. Если бы я понимал, я приходил бы сюда, когда захотел бы.

– Ты сюда и приходишь тогда, когда хочешь. – улыбнулся Рахула.

– Тогда почему я это не контролирую?

– Ты контролируешь себя, например, когда пьешь? Нет. Ты просто пьешь воду и все. Ты не задумываешься над тем, в какую руку взять стакан и как широко раскрыть рот.

– Не понимаю тебя, Рахула.

– Ты сюда приходишь тогда, когда ты чувствуешь, что тебе это необходимо. У тебя сложности или вопрос неразрешимый, или еще что-то. И я готов помочь тебе.

– Но я просто сплю...

– Именно в тот момент, когда отключается тело, ты становишься свободным и истинно понимаешь, что тебе нужно.

Ты с самой первой встречи говорил об этом.

– А ты меня видишь? – смотря на ладони, сказал Пьер.

– Да, конечно вижу!

– А ты существуешь на самом деле? В том мире?

– В каком, Пьер?

– В том, из которого я прихожу.

– Пьер, мы живем в одном мире с тобой. Ты живешь в центре, а я на Востоке.

– То есть, я тебя могу увидеть, не засыпая?

– Точно не знаю. Но думаю, что это возможно. – ответил

Рахула.

– Выходит, и Монах существует?!

– Конечно существует. А как же без него-то?

– А кто это в реальной жизни?

– Пьер, мы и есть в реальной жизни. Тебе пока это сложно представить.

– Да, похоже. – сказал Пьер.

– Представь, что мы находимся в одном здании, например, торгового центра, – Рахула улыбнулся – но на разных этажах.

У Пьера крутился вопрос на языке, но он решил не прерывать Рахулу, который говорил, смотря Пьеру в глаза: «Когда ты засыпаешь, твое сознание садится в лифт, и с пятого этажа поднимается примерно до тысячного. А выходишь ты из лифта прямиком на площадь. Стало попроще?»

– Ощутимо! – съязвил Пьер.

– Очень хорошо! – улыбался Рахула.

Они оба замолчали и Рахула разлил по кружкам сладко пахнувший чай. Они сделали по глотку, и Пьер продолжил диалог:

– Рахула, а какому округу относится Кайлас? К Восточному?

– Ни к какому, Пьер. – Рахула широко раскрыл глаза.

– Вот. А говоришь – из одного мира.

– Из одного. Но мы не относимся ни к какому округу.

– А так бывает, разве?

– Как видишь, бывает.

– Хорошо. А кто у вас глава?

– Пьер, выражаясь твоим языком, у нас такой же глава, как и у всех наших братьев на планете.

– И много у вас братьев?

– Очень много, Пьер. Ты хочешь встретиться с Монахом?

– Да, конечно!

– Скоро закат. Пошли на площадь.

Пьер смотрел на Кайлас и пытался разглядеть там что-то, похожее на дом Монаха, но гора была безмолвна и пуста.

– А где он живет? – спросил он.

– В горе. – легко ответил Рахула.

– В пещере какой-то?

– Не совсем. Это сложно назвать пещерой... вот он!

Желтая Кашая промелькнула у подножия за площадью.

Пьер стоял на месте и наблюдал.

– Почему ты не бежишь? – удивился Рахула.

– Мне его все-равно не догнать. А так я хотя бы увижу, куда он уходит.

Монах легкими движениями шел вверх по горе, будто плыл. Добравшись почти до вершины горы, он начал обходить ее и пропал из виду.

– А там не холодно? – спросил Пьер.

– Монаху везде тепло.

– Вероятно, мой лифт сейчас придет спустить меня обратно. – саркастически сказал Пьер.

– Пьер, возвращайся. Главное жди. Ты обязательно найдешь своего друга!

Глава 22. Пограничное состояние

Неделя прошла в томительном ожидании хоть каких-то вестей про Саву. Из Южного округа убрали ОПЩ и артиллерию, войска СЕКРЕЗА демобилизовали в Северный округ, а сотрудников Мохэк в округа по приписке. По расчетам Пьера, Сава давно должен был приехать и вернуться в Ликвид.

В своем обращении ГенЭк огласил Постановления о статусе округов, как независимых отдельных единицах, у которых должна существовать местная казна. Отдельно Кристаллов заявил о создании границ и приграничных территорий между округами. С двадцатого июня округа стали разделяться по всей границе белыми щитами, созданными наподобие оборонно-плазменных, и между каждой парой соседних округов установили контрольно-пропускной пункт с лучшими бойцами СЕКРЕЗ, назначив их награничниками. Привязка людей к месту жительства и округам стала более жесткой: для пересечения границ округов нужен был веский аргумент – разрешение на передвижение, командировка или прямое поручение Правления второго ранга. По комментарию ГенЭка, эти меры приняты для поддержания мира в стране и создания дополнительных препятствий потенциальным антигосударственным формированиям.

Центральный округ стал наиболее контролируемым из

всех девяти, поскольку стал являться хабом – он соединялся со всеми округами и содержал восемь контрольно-пропускных пунктов. У Мохэк появилось право на применение травматического оружия в случае крайней необходимости – событие невиданное в Едином Государстве!

В пункте «Применение травматического оружия» Прав Министерства Охраны Экономики, определили, что «Крайняя необходимость – событие, при котором наступление необратимых отрицательных последствий для Экономики Единого Государства является открытым и наблюдаемым».

Все эти нововведения настолько затронули мирную жизнь, в отличие от предыдущих, что обстановка внутри страны заметно изменилась, будто поставили рядом две картины Государства – «было» и «стало».

Ранним июльским утром Пьер был полон сил, энергии и энтузиазма. Перед сном он прочитал в одном из научно-исследовательских пабликов о новом подходе к изучению и применению высокопрочных материалов в Юго-восточном округе. И у него созрела мысль, что он может туда направиться для обмена опытом, а там может что и узнает про ситуацию с расформированными сотрудниками Мохэк.

– Здравствуйте, Сергей Алексеевич. Можно? – заходя в кабинет начальника сказал Пьер.

– Привет, Пьер. Что у тебя?

– Я узнал тут, что есть компания «Протект Нью Куэлит», которая занимается высокопрочными материалами но-

вого образца.

– Интересно. А какими?

– Точно не скажу. В интернете про них прочитал. Из каких-то горных пород, неизвестных до сегодняшнего дня.

– И что ты предлагаешь?

– Сергей Алексеевич, направьте меня в командировку.

– Ох ты. Как я тебя сейчас направлю-то? В какой округ?

– В Юго-восточный.

– Пьер... Как ты думаешь, там безопасно сейчас?

– Ну люди же живут. И фирмы – вон – работают.

– Тут не каждого из Совета пустят сейчас, сам знаешь. А зачем тебе туда?

– Так я же говорю – фирма занимается...

– Да это я уже услышал. – перебил Памонов, – Не верю, что ты готов переться на Юго-восток ради изучения нового материала... Давай-ка начистоту, Пьер. Тогда мне будет проще тебе отказать. Ты у нас сотрудник хороший, бывалый – не хочется тебя толкать на неприятности.

– Сергей Алексеевич, тогда можно вам вопрос задать?

– Да, слушаю.

– А где Савелий Гофман? Руководитель отдела...

– А, вот оно что. Понял. Савелия потерял? Ты тогда сразу в Южный езжай. Что по касательной-то?

– Не только из-за этого. Просто совпало.

– Понятно-понятно... Где Сава я, честно сказать, не знаю. – Памонов встал и закрыл дверь, – Пьер, ни бумага, ни

документов. Ничего на Савелия не приходило.

– Направьте меня в командировку пожалуйста. – тихо сказал Пьер.

– Пьер, сейчас стоит запрет на выезды в другие округа, если ты не знаешь. Мне тоже интересна судьба Савелия, но идти на такой риск мы не можем.

– Мы же занимались изготовлением ОПЩ. Может это как-то повлияет? Что у нас тоже есть ценный опыт.

– Я подумаю, хорошо. Теперь иди. На эту тему ни с кем не говори больше. Фокс пока пусть не знает.

– Спасибо, Сергей Алексеевич.

– Пока не за что.

Когда вечером в отделе остался один Пьер, к нему тихо вышел Памонов.

– Я подумал. Давай так. Я тебе выпишу две командировки. По одной ты поедешь в приграничную территорию на пару дней, а по второй потом проедешь в Юго-восточный округ. Будет, якобы, сбор информации. Но есть нюанс.

– Какой?

– Если тебя не пускают, то второй командировочный любыми способами у награничника забираешь обратно, чтобы она никуда «не пошла», и съедаешь. Я ее проводить официально не буду. Деньги в кассе получишь только на одну. Иначе никак.

– Хорошо, я понял.

– Ты пьешь?

– Только пиво, и то – редко.

– Возьми бутылку хорошую с собой.

– Так нельзя же перевозить...

– Вот у тебя награничник ее и конфискует. Только хорошую возьми, дорогую... Ну давай, ни пуха!

***

«Чемодан возвращается на родину» – думал Пьер в поезде, следующем на Юго-восток.

«Проезжающие на территорию Юго-восточного округа готовят свои разрешения и документы. Пассажиры, следующие до конечной станции Центрального округа, покидают салон поезда» – прорычал награничник в черной форме и автоматом в руках.

Пьер схватил чемодан и поспешил выйти из поезда, ноги и руки от волнения тряслись, как ветошь – он первый раз увидел оружие в руках человека, и это произвело цепящее впечатление. Чемодан из-за этого показался тяжелее раза в три.

На перроне не было, ровным счетом, ничего – только голый асфальт перрона и входная арка. Пьер пошел в город искать самый дешевый угол для съема, чтобы не околачиваться в городе...

– Двадцать пять! Подешевле – это вон – за мусоркой поспи! – противным голосом сказал женоподобный владелец хостела в глубине дворов.

– Давай за одну ночь двадцать пять, а вторую я пробуду

до пяти утра. Сорок за все.

– За сорок, сладкий, ты иди в подъезд какой-нибудь и под батареей клубком свернись. И лежи там, ноги считай проходящие. Двадцать пять ночь. Ты говоришь, шесть утра, а ведь утро после ночи. Значит вторую ночь ты тоже у меня проведешь. Пятьдесят за две.

«Справедливо, но не справедливо» – подумал Пьер, но отвечать не стал.

– Давай, давай думай. Че ты меня вытянул на улицу-то? – подгонял владелец хостела.

– Хорошо. Я заплачу пятьдесят. Вот моя командировка.

– А нах она мне нужна, сладкий. Ты мне деньги давай.

Родуены!

– Держите пятьдесят Родуенов.

– Ну нах ты мне их здесь суешь-то? Заходи, иди к стойке.

Пьер зашел в открытую дверь хостела, в котором пахло по́том, сигаретами и тухлым мясом. Владелец хостела шел за ним и приговаривал:

– Нах вы сюда едете? Стреляли только, а как тише стало – вы приехали шуметь. Что за народ?

– Так я же плачу вам. Вам Родуены не нужны? – вдруг ответил Пьер.

– А я не с тобой разговариваю. Тишина нам нужна. Иди давай к стойке.

– Вот. Держите. Пятьдесят.

– Хоть наличкой, уже хорошо. По коридору и направо, но-

мер четыре. Живи аккуратно там. Не пить, не курить, не шуметь, не сорить. Пошёл.

Пьера, конечно, возмутило общение, но пререкаться он не стал. Важнее было тихонько переждать пару дней и постараться попасть в Юго-восточный округ...

На рассвете Пьер зашел в здание КПП, располагающееся между бесконечными плазменными белыми щитами по две стороны, усыпанными награничниками в черной форме, касках и солнцезащитных очках.

«Чемодан на ленту! Сам в просветку! Документы, разрешения на стол!» – громко и резко скомандовал крупный награничник в фуражке с Родуеном, сидящий за столом.

Пьер все сделал так, как было велено.

– Та-а-ак. А это что еще? Дорогой вискарь-то. Конфискую, али аргументы имеются?

– Конфискуйте, господин награничник.

– Та-а-ак. Тише ты, тише... Нечего конфисковать. Нет у тебя ничего! – сказал награничник, убирая бутылку в свой высокий ботинок.

Он осмотрелся по сторонам, шмыгнул носом и громко сказал наигранным тоном: «Гражданин Пирогов, у меня нет оснований запретить вам въезд в Юго-восточный округ, но вы должны осознавать, что данный округ граничит с Южным. Это накладывает на приезжих дополнительные ограничения и обязательства. Ознакомится с их перечнем вы можете на экране после выхода из здания КПП с правой стороны.

Проход разрешен».

Награничник поставил отметку в командировочном листе, навел смартфон на счетчик, что-то в нем отметил и кивнул головой.

Пьер вышел из КПП и последовал на ближайшую остановку электробуса. По пути к ней его остановил первый патруль для проверки документов и разрешения на передвижение.

– Я же только зашел. У меня все в порядке и проверено награничником. Вот документы. – сказал Пьер патрулю.

– Гражданин... Пирогов, у меня на ордене выгравировано разве «награничник» или, может, «СЕКРЕЗ»?

Пьер пригляделся к ордену на левом кармане джинсовой черной форменной куртки и прочитал про себя: «Министерство Охраны Экономики».

Пьер молча помотал головой.

– Верно. Так откуда мне знать, насколько грамотно работает СЕКРЕЗ?

– Не знаю, господин патрульный.

– Если не знаете, не задавайте глупых лишних вопросов. Нельзя сейчас относиться к жизни так, как вы относились к ней до войны. В округах переполох – все на войну ушло. Сейчас нужна внимательность и осторожность. И контроль. Контроль... Контроль!

– Я понял, господин патрульный. Я буду бдительней. – зачем-то ответил Пьер.

Куда точно нужно было ехать, он пока не знал, но дога-

дывался, что на Южном вокзале может быть хоть какая-то информация о пропавших бойцах.

На конечной остановке «Южный вокзал» первая нитка, хоть как-то приближающая его к Савелию оборвалась – вокзал был перекрыт плазменными щитами, и дежурили отряды награничников и патруля Мохэк.

К Пьеру сразу двинули двое в черной форме.

– Здравствуйте, гражданин. Что вы здесь делаете? Ваши документы! – Пьер показал документ. – Разрешение на нахождение в Юго-восточном... С какой целью находитесь здесь?

– Я изучаю округ, господин патрульный. – сориентировался Пьер.

– Вам не стоит здесь находиться. Южный вокзал закрыт, а для внутриокружного перемещения можете использовать электробусы. – строго сказал патрульный.

– Понял вас, господин патрульный. Извините.

– До свидания, гражданин.

– М-да... Контроль... – буркнул Пьер, отойдя к остановке.

Глава 23. Старый знакомый

Пьер сразу был настроен на постоянные неувязки, запреты и остальные палки в колесах. У него был единственный вариант, куда можно было поехать в Юго-восточном округе, чтобы не попадать под пристальные взгляды патруля Мохэк. Час спустя, он стоял напротив дома 15 корпус 3. После двух несильных стуков в черную железную дверь, за ней послышались шаги.

– Кто?

– Я от Оливера Маклотта. – по старинке ответил Пьер.

– Это... этого не может быть. – собеседник за дверью замялся.

Дверь открыл его друг и учитель Вален Дарк. Его глаза вылезли за рамки очков от удивления, и он громко воскликнул: «Пьер?! Заходи!».

Когда запах кофе окончательно окутал всю квартиру, собеседники сели и заговорили.

– ...Я ищу друга, Вален. После войны не вернулся.

– Может он погиб, Пьер?

– Нет, иначе уведомили бы организацию.

– Хм... Но он не мог остаться в Южном или потеряться.

– Почему не мог? – Пьер приободрился.

– Потому что там сейчас нет практически никого. Только

стройотряды. От округа почти ничего не осталось.

– Он может быть зачислен в стройотряд копателем как-ким-нибудь?

– Нет, конечно. Там находятся только квалифицированные специалисты. Я курирую там один из отстраивающихся районов. Связи сработали, там большой госзаказ – деньги огромные!

– Ты теперь строитель, получается?

– Не совсем. Мажордомом меня оставили, а параллельно назначили на должность куратора пограничного района Южного округа. Я контролирую поставки материалов туда и ход работ. Езжу туда три-четыре раза в месяц. Оттуда эвакуировали всех еще в войну в два округа – в наш и в Юго-западный. А как война окончилась – бойцов всех вывезли. Там сейчас только награницники и строители. Поэтому, если друг твой жив, то ищи его или в нашем, или в Юго-западном округе.

– Уже лучше. Конечно, количество потенциальных округов увеличилось вдвое, но туда хотя бы попасть реальнее.

– Верно. В Южный не пустят ни при каких обстоятельствах. Я мог бы тебя оформить к себе в отряд... Поверь мне, Пьер, тебе нечего делать в Южном – только время потеряешь. Ты где остановился?

– Нигде пока что.

– Давай-ка оставайся у меня. Вечер уже. Завтра определишься куда ехать.

Глава 24. Матрица отделений

Первые сутки с момента пересечения границы прошли, о чем Пьеру сообщил счетчик на руке.

– Даже напоминалка работает. – подумал Пьер.

Он шел по вокзалу в сторону отправления окружных электропоездов, чтобы найти поезд дальше на Юго-Восток. Первой его целью была Кашмирская долина – в этом районе поселилось много людей во время отстройки Южного округа.

«И как я тут найду Саву? Иголка в стоге... в поле сена. – думал Пьер, выйдя на конечной остановке, – Нужно обратиться в Отделение документооборота. Точно! Даже если данные затерялись при передаче в Центральный округ (что, разумеется, невозможно в рамках четко отлаженной системы Единого Государства), то тут должен быть архив.

Глаза Пьера засверкали, они начал оглядываться по сторонам в поисках экранов. На единственном экране шла реклама нового цветочного высокогорного чая...

В отделении Документооборота Пьера самого проверили сначала. Каким-то образом, пронесло с его неофициальной командировкой, и к нему вопросов не возникло.

– С какой целью интересуетесь, гражданин Пирогов? – спросила сотрудница.

Пьер на ходу выдумал историю, что его специально на-

правили сюда для переговоров с сотрудником компании по условиям дальнейшего сотрудничества.

– Для этого направляют менеджеров по продажам? Почему не кадрового специалиста?

– Кадровый специалист сильно загружен приемкой вернувшихся сотрудников.

– Понятно. Минуту...

Молодая девушка громко начала щелкать по клавиатуре с выражением лица, будто разрабатывает новую стратегию развития страны. Закончив поиски, она сказала: «Нашла я вашего Гофмана». Принтер распечатал лист бумаги.

– Это выписка из личной карточки гражданина Гофмана Савелия Карповича. Там вся информация о том, где он работал до сегодняшнего дня. Также, (она показала карандашом на листе) состояние его жилплощади и состояние счетчика. Последнее изменение 22 июня. Я не могу вам рассказать всего, это займет много времени. Можете присесть, изучайте.

«Через неделю после окончания войны, значит жив!» – думал Пьер, присаживаясь на кожаное сиденье.

Он пробежал глазами по листу:

Рабочее положение: компания Ликвид Протекшн – не восстановлен.

Состояние счетчика Родуенов: 0,00. Заблокирован. Средства переведены в наличную форму.

Состояние жилплощади: отсутствует. Опечатана сотрудниками ведомства № 329ЦО Мохэк по Центральному окру-

гу.

Последняя активность счетчика: 22 июня, 08:23 – Сахалин, Восточный округ.

Операция: Обналичивание средств. Отделение документооборота № 1185 ВО.

Пьер сложил бумагу пополам, убрал в карман и быстро ушел из отделения на остановку электробуса...

***

Вален открыл дверь только после третьей пары стуков. Он был заспанный, с растрепанными волосами и помятой бородой.

– Пьер, что тебя привело в столь поздний час? Негде спать? И только не говори, что ты в бегах от Мохэка.

– Вален, нет. Юридически все в порядке... Пока что. Извини, что поздно – долго ехал до тебя от Кашмирской долины. Дело очень срочное.

– Кашмирская... Далековато ты забрался. Проходи.

– Спасибо. Мне в Восточный нужно. – Пьер протянул с порога сложенный лист.

Оба стояли в прихожей. Вален, надев очки, пару минут смотрел на лист, а потом сказал:

– Ух ты, какая полезная для тебя вещь.

– Да, Вален. Сможешь помочь?

– Пошли в гостиную. Нужно подумать.

Он сел в кресло, подперев рукой подбородок и уставился в лист из документооборота. Потом отвел взгляд на ковер –

было видно, что в его голове происходит мыслительный процесс. Зрачки бегали по узору ковра, вырисовывая пируэты все быстрее и быстрее. Наконец, Вален сказал:

– Документы с собой?

– Да, вот. – Пьер протянул ему документ гражданина.

– Так. Слушай внимательно. Ты – сотрудник СМУ номер двенадцать. Пропуск и командировочный лист утром забережь в офисе. Я сейчас данные твои туда скину. Едешь в Восточный округ заключать договор на добычу руды. Она сейчас как раз нужна в Южном. Неофициально, потому что устроен временно – как раз для поездки. Оставайся, давай спать, в офис к восьми приедешь. Второй кабинет.

Вален что-то написал в телефоне...

Остановка «Сихотэ» была последней, до которой шел поезд в Восточном округе. Она была построена наполовину на сваях и примыкала к морскому порту. Переправившись с Сихотэ на Сахалин, он зашел в первое попавшееся ведомство Мохэка, показал документы и спросил, где находится Отделение документооборота № 1185 ВО.

Второе Отделение документооборота, которое он посетил на своем маршруте, ничем не отличалось от первого. Пьеру даже показалось, что сотрудницы Отделений похожи друг на друга, как близняшки. Словно первое Отделение поместили в ячейку Excel, скопировали-вставили в другие ячейки, и получились тысячи абсолютно идентичных отделений, составляющих единую матрицу, занимающуюся документар-

ным оборотом и контролем за действиями граждан практически в режиме online.

– Пьер Римович, еще раз повторите ваш запрос и цель.

– Девушка...

– Амия – перебила сотрудница и показала на треугольную табличку на стойке, где было написано: «Менеджер по работе с обращениями. Амия Хун»

– Амия, я из компании Ликвид Протекшн, меня направили в командировку для поиска сотрудника Савелия Гофмана после Новой войны. Последнее Отделение документооборота, куда он обращался – ваше. Какая у вас есть информация?

Поиски Амии длились прилично дольше, чем предыдущей сотрудницы в Юго-восточном округе.

– Пьер Римович, последняя информация, которую вы мне принесли на выписке совпадает с моей.

«Логично – подумал Пьер – они же из одной системы ее и берут» – и сказал:

– Амия, я понимаю, что это маловероятно, но все-таки – может, вы сможете мне показать наружные камеры видеонаблюдения? Чтобы я хотя бы увидел, куда Савелий мог направиться после посещения.

– Доступ к камерам имеют только сотрудники Мохэк. Я вам вынуждена отказать!

Глава 25. Ирония системы

История с поиском Пьера не была бы столь иронична к системному подходу, если бы не человеческий фактор, который присущ любому обществу в любое время. По этой иронии Пьер, выйдя из Отделения, заметил человека в рабочей одежде с отверткой в руках, который стоял на стремянке, прислоненной к стене здания. Работник ловко перебирал в руках проводки разных цветов, подбирая подходящий.

«Здравствуйте!» – крикнул Пьер.

Работник не услышал или сделал вид, что не услышал Пьера. И Пьер повторил чуть громче: «Здрав–ствуй–те!»

– Да здравствуйте, здравствуйте. – ворчливо ответил работник в синей одежде.

– Очень похоже, что мне нужна ваша помощь. – не понижал громкости Пьер.

– Очень похоже, что вы ошиблись.

– Прошу вас, если у вас есть хотя бы минута.

– Да занят я. Занят! Чего ты лезешь?

– Я из компании Ликвид Протекшн. Слышали такую?

– Ну слышал. А толку от вас? Сюда приехали магазин открывать?

– Нет, я сюда приехал искать друга.

– Друга? А что же он забыл здесь, если у вас компания

базируется в Центральном. Магазин открывать?

– Да не собирались мы магазин открывать здесь! – отбросил эту тему Пьер.

– А зря! Давно пора!

– А зачем он вам здесь? – Пьер удивился и замешкался.

– А вы в Центральном думаете, что здесь у людей потребности ниже, что ли? Нам тоже товары нужны. Понатыкали экранов, а купить нечего.

– Как нечего? В магазинах же полно всего.

– Тебя как звать?

– Пьер. А вас?

– Яромир. Ты, Пьер, кем работаешь?

– Менеджером по продажам в Ликвиде.

– Понятно. Вот ты и смотришь по поверхности. А я – энергетик, и смотрю по сути! Понял?

Пьера даже немного это оскорбило. Он пытается понять смысл бытия и найти Монаха на Тибете, а первый встречный Яромир говорит ему о том, что он поверхностен.

– Почему это по поверхности? Ведь товары и правда есть в магазинах и точки получения заказов работают.

– А что там именно продают у нас, ты знаешь? Конкретно.

– Пока не приглядывался. Но...

– А ты приглядишься. И увидишь, что мяса у нас нет. Один растительный белок. И кого не возьми – производителей с десятков! У всех все одинаково. Воды у нас... – Яромир продолжал перебирать проводки, зажав в зубах один из них, –

не-е-ет, а особенно после войны. Много ресурсов ушло. А почему?

– Потому что война...

– А почему она началась-то?

– Потому что ячейка...

– Да знаю я версию эту. По твоему личному мнению, почему?

– Потому что отдельно взятые граждане захотели отделить кусок пирога.

Яромир спустился со стремянки, встал перед Пьером и спросил:

– Какой пирог? Нам лучше бы пироги в горячем виде, да с мясом. Война началась, потому что нашлись люди, которым не хватает мяса, угля, чистого воздуха и воды. А зачем им Правление, которое говорит, что мясо можно заменить фасолью?

– Но иначе людей пока не прокормить.

– А что корове будет? Почему бы не развить сельхоз так же, как и остальную экономику? Что все упирать в баблo-то?

– А как же иначе будет развиваться Государство? – спросил Пьер.

– А Государство на ком держится?

– На деньгах.

– Неправильно, Пьер. Только на людях.

Пьер опешил. По мнению Яромира, в Государстве есть что-то важнее Родуенов?

– Как не на деньгах? Как стране без денег жить? Массы всегда были заинтересованы в Деньгах, во все времена. Как плохо жилось людям в Ранних...

– Но ты приехал сюда не ради денег же? Да в такое время.

– Да, друга ищу. Савелия.

– Он тебе должен денег или у вас с ним свое дело?

– Нет. Просто друг.

– То есть твои отношения с Савелием не завязаны на деньгах?

– Нет.

– Так почему же в масштабе Государства все вяжется на деньгах, а не на отношениях людей?

– Чем больше людей, тем сложнее выстроить связи.

– А религия?

– Вы верите в Бога? – громко и удивленно спросил Пьер.

– Верю, конечно. А как иначе?

– А что вы читали из священных писаний?

– Ничего я не читал. Просто верю и все.

– А нет определенной книги, где описаны законы, наставления какие-то?

– Не знаю я. Я просто верю, что небом, солнцем, громом и скотом управляют Боги. А ты к чему это спрашиваешь?

– Я интересуюсь темой религии.

– Значит ты не законченный материалист еще! – снова усмехнулся Яромир. – Какая помощь то нужна?

– Может у вас есть доступ к мониторам?

– У меня есть доступ ко всему, куда идут провода в этом городе.

– Вы сможете мне показать момент на камерах 22 июня?

– Вообще запрещено, конечно...

– Какой у вас смартфон?

– Кхм... Дитуай второй. А что?

– Мой чехол подойдет к вашему телефону. Держите. – Пьер снял блестящий новенький чехол со своего смартфона и протянул собеседнику.

– Да нужен он мне больно. Напридумывали всего...

– Он правда очень хорошо защищает телефон от ударов. Держите, попробуйте.

– Хрень какая-то. Ну, давай, попробую.

Яромир легко надел мягкий чехол на свой смартфон, улыбнулся и сказал:

– Мягковат конечно, как пластилин. Крепкий, говоришь?

– Очень, будьте уверены.

И вдруг, Яромир взял и со всего размаху швырнул смартфон в стену Отделения документооборота. Он впервые видел Пьера, но, взяв чехол из его рук, доверился и рискнул состоянием своего смартфона. Почему и ради чего? Пьера восхитил такой безальтернативный подход к его «рекламе». Смартфон громко ударился об стену и шлепнулся на асфальт.

– Смотри-ка! Даже царапинки нет, и экран целый. Работает! – улыбался Яромир.

– Да-а-а. Я же говорил. – ошалело ответил Пьер.

– Спасибо, Пьер. Взятка удалась.

– Ну это не взятка, это правда от чистого...

– Да понял я, понял. Дата и время какие?

– Двадцать второе июня, восемь двадцать три утра.

– Я зайду сейчас в дверь, настрою там на это время. Потом выйду, а ты зайдешь смотреть. Сколько тебе нужно времени?

– Я думаю, минут пять-семь. Не больше. Мне бы только посмотреть, куда он от банка пошел.

– Хорошо. Стой жди.

Яромир зашел в дверь сбоку Отделения и через несколько минут вышел, показав большим пальцем на открытую им дверь. Пьер кивнул и заскочил внутрь. На одном из мониторов были три картинки: нижняя, на полмонитора, показывала помещение документооборота, две верхние делили вторую половину – на них был выход из отделения и перекресток дорог. Снизу монитора отображалось: «22.06. 08:20». Пьер впился глазами в монитор и выглядывал в нем знакомый силуэт...

Одетый в свой дорогой костюм, Савелий подошел к одному окну и отдал бумаги, во второе протянул правую руку с счетчиком Родуенов на ней, взял небольшую бумажку в 08:23 и направился в третье окно. У третьего окна он пробыл минут пять, о чем-то разговаривая, и забрал большую пачку наличных. После всех операций, Савелий поспешно вышел из Отделения и направился к остановке, где зашел в подъе-

хавший электробус с номером 1.

Дверь помещения открылась, и Яромир спросил:

– Ну что ты там? Долго тебе еще?

– Все. А куда идет электробус номер один?

– Номер один... На север Сахалина куда-то... прямо до берега.

***

Пьер стоял на конечной остановке электробуса «Левки-текм» и оглядывал новую для него местность. Его немного укачало после резвой езды вдоль береговой линии Охотского моря, хоть электробус и двигался с помощью магнитной ленты, не касаясь поверхности. Время было около семи вечера, хотелось есть, он стал искать хоть какие-то дома – об отелях и кафе здесь речи и не шло, судя по ландшафту, который состоял из гор, полей и моря. Недалеко от берега Пьер заметил скопление небольших домиков и направился туда. Он шел пешком, удивляясь красоте природы, свежести, отсутствию экранов, зданий, машин и магазинов. Пьер дошел до небольшого поселения из пятнадцати домов, уже темнело, а в окнах горел теплый свет.

«Такое разве бывает в Едином Государстве?» – шептал сам себе Пьер.

Дверь одного из домов открылась. Из нее вышел старик с ведром для воды.

– Здравствуйте! – Пьер аккуратно поздоровался.

Старик остановился и повернул голову в сторону Пьера.

– Голос незнакомый у тебя. Ты откуда?

– Я из Центрального округа приехал.

– Сюда? Из Центрального? Не с войны?

– Нет, я друга ищу своего. Он после войны возможно к вам приехал.

– Ага, ну погоди, сейчас воды наберу.

Он ловко справился с колодезной веревкой, и быстро пошел обратно к дому.

– Ну пошли со мной. Встал стоит.

– Меня Пьер зовут.

– Как-как?

– Пьер.

– А-а-а, Пьер. Ну, очень приятно. Меня Иваныч.

– А имя как?

– А не помню уж... Имя-то было, но меня все уже лет двадцать Иванычем кличут. Я его и забыл. А на кой оно мне нужно, если им не пользоваться? Проходи давай.

Иваныч открыл дверь в дом и пропустил Пьера. В доме было тепло, светло, пахло какими-то травами, молоком и свежим хлебом.

– Разувайся, садись за стол. Пол теплый, не переживай. – сказал Иваныч.

Пьер сел на плетеный стул, помолчал минуту, оглядывая дом, и заговорил:

– А для летнего вечера правда довольно прохладно сейчас.

– Ты говоришь, друга ищешь?

– Да, после войны куда-то сюда приехал.

– А как зовут друга твоего? – спросил Иваныч, наливая колодезную воду в старый самовар, покрытый сажей.

– Савелий Гофман.

– Савелий, Савелий... Не припомню такого что-то. Угостись пока. – Иваныч поставил перед Пьером стакан молока и положил рядом белую булочку.

– Спасибо, Иваныч.

– Ты был на войне?

– Нет, я оборонительные щиты изготавливал.

Иваныч зажег печь, поставил на нее самовар с плоским дном и присел за стол, напротив.

– М-да... Война – это, конечно, плохо. Я, как сейчас, помню Последнюю войну.

– А что там было?

– А... не учили вас? Не рассказывали историю-то?

– Очень кратко, знаю, что прошла быстро, а потом подписали соглашения об объединении...

– Да куда там... – перебил Иваныч – Лет десять, наверное.

– Как десять?

– Да, не меньше. Я тогда был контр-адмиралом и командовал арьергардом в Охотском море. Поначалу война-то тихая была, осторожная, а потом, видать, то ли нервы сдали, то ли обдуманно, но начался Армагеддон такой... Сутками не спали, в море жили. Я помню, ха-ха, когда на землю обратно

сошел, спать не мог без качки и стрельбы. Тогда волны были метров по двадцать, ветра не прекращались, сдувая крепкие корабли. Огромные флотилии казались тогда спичечными коробками, которые могут расслоиться в любой момент... Люди казались чем-то мелким и бессильным перед расшатанной природой. Поэтому, ничего другого не оставалось, как остановить боевые действия.

И, как я помню, еще года два делили что-то, переносили, границы ставили-снимали, неразбериха была страшная. Народ кочевал по планете за ресурсами, хапали все, хапали. У кого-то был кирпич, у кого-то вода пресная, у кого-то сельхоз. И вот, чтобы испечь хлеб – он взял в руку кусок вкусно пахнущего хлеба – нужно было мотаться и доставать кирпич, чтобы отстроить печь, рожь и воду, чтобы этот хлеб приготовить. Я, конечно, утрирую для примера, но так и было, только в крупных масштабах.

Иваныч надкусил хлеб и запил его молоком.

– А почему же сейчас есть люди, которые не рады всеобщей Великой Экономике в Государстве? – спросил Пьер.

– А этого я не знаю, мне надо-то – хлеба-молока, да пол теплый. Возраст, понимаешь. Вот раньше – это да, – с корабля на бал! Да мяса навернуть! – Иваныч повеселел и расправился на мгновение, но потом опять сгорбился над столом – А ты оставайся, куда ж ты пойдешь? В горы нельзя – стемнело уж, а плутать по полям тоже занятие ночью неблагодарное. Утром проснешься, и в путь.

– Верно вы говорите. Останусь, если не побеспокою сильно.

– Ну и ладненько. Мне ужо на боковую надобно. Ты приляг на печь, она теплая всю ночь будет.

Пьер лег на теплую печь. Он готов был идти в горы и был уверен, что ему это удастся, в отличие ото сна, в котором он ни разу так и не ступил на Кайлас...

Глава 26. Горный барс

У Пьера не было с собой навигатора и каких-то координат Савы, но он шел в гору с такой уверенностью, будто там был указатель «Дом Савелия Гофмана». Перед ним открывался вид безграничного Охотского моря, приливы с отливами ровно держали ритм. Пьер чувствовал себя канатоходцем, который после многих попыток наконец-то близок к балансу. Плотнo гор тянулось вдоль моря и скрывалось из поля зрения среди тумана.

Вдалеке, на отступе горы, похожей на туфлю, на самом мыске Пьер разглядел какую-то постройку. Он быстро спустился вниз и пошел вдоль берега, не выпуская ее из виду. Через двадцать с лишним минут, он стремительно приблизился к мыску туфли, впившись в него глазами, как капитан корабля ночью в маяк. Мысок нависал над морем, Пьеру удалось максимально близко подойти к нему, и он вздернул голову, чтобы лучше разглядеть загадочную постройку. Она была похожа на древнюю хижину, размером приблизительно три на три метра и высотой два.

Поднявшись на мысок, он встал недалеко от каменной хижины, построенной из больших валунов, стоящих друг на друге. Накрывала постройку большая тяжелая бетонная плита, поверх нее было постелено толстое покрывало, напоодо-

бие ковра, которое свисало до самого низа, закрывая «вход» между двух стен. Пьер подошел ближе, аккуратно отодвинул полотно и заглянул внутрь.

Постройка снаружи выглядела меньше, чем была внутри. Стены были облеплены полотнами с изображениями людей, зданий и какой-то символики. Над потолком висела большая лампада с ярко горящей свечой. На полу, что странно для такой постройки, лежал белоснежный паркет. Справа от входа стояла уменьшенная (раз в десять) копия оранжевого кабриолета, а слева ровно сложенный большой куб из обналиченных Родуенов. Чуть дальше от входа стоял длинный белый стол, на котором были выложены знакомые золотые часы, несколько цепочек и другие украшения и побрякушки.

Посередине помещения стоял белый постамент, возвышаясь надо всем. На постаменте, в позе лотоса, сидел Савелий, медленно открывая и закрывая глаза. Не выражая ничего, они «обходили» стол, кабриолет, куб Родуенов, проплывали по стенам и закрывались.

Пьер обомлел от шока одновременно с радостью. У него было столько вопросов в голове, что ему казалось, если он заговорит, то произнесет несуряицу из десятка вопросов одновременно. Он стоял молча, смотря на Савелия, боясь побеспокоить его в том состоянии, в котором он пребывал.

В этот момент глаза Савелия доплыли по кабриолету, остановились на Пьере и полностью раскрылись с четко выраженной мыслью.

– Пьер? Ты? – тихим голосом спросил Сава.

– Я, Сава. Здравствуй! – тихо, но эмоционально ответил

Пьер.

– Привет, Пьер.

Сава глубоко вздохнул и закрыл глаза. Пьеру показалось, что Саве то ли нехорошо, то ли он находится в довольно необычном состоянии. Он точно не понимал, что ему сделать, поэтому стоял, как истукан.

Сава резко открыл глаза и спросил своим обычным голосом:

– А что ты здесь делаешь? Какими судьбами? Заходи, на пороге не стой!

Он спрыгнул с постамента, и они крепко пожали руки. Пьер смотрел на Саву, как на явившуюся миру тайну вселенной.

– Я нашел тебя, Сава! Нашел! – эмоционально говорил Пьер.

– А я и не сомневался, Пьер, – заулыбался Сава, – ты вообще единственный человек, в ком я никогда не сомневался. Я знал, что ты будешь меня искать и найдешь... Вид необыкновенный, правда? – спросил Сава, убрав полотно и вдохнув воздух полной грудью. – Пьер, давай я тебе сам все расскажу.

– Ты даже не представляешь сколько у меня вопросов. Я и сам не представляю.

Сава глубоко вдохнул и продолжил:

– В начале было слово... – он, улыбнувшись, бросил

взгляд на Пьера.

Оба громко заржали так, что их слышно было даже на подступах горы...

Глава 27. С пятнадцатого

После победоносной атаки на антигосударственную ячейку, войска двинулись к главному штабу, откуда их должны расформировать по местам пребывания.

Савелий сутуло шел в толпе, постоянно озираясь в поисках Тафьева. Руки, держащие автомат Ригерта, дрожали как у немощного старика. Ему уже не было страшно от войны или радостно от победы, ему было никак.

Дойдя до расположения в генштабе, он зашел привести себя в порядок перед посещением «высоких кабинетов». В душном сортире, совершенно непохожем на клозеты Центрального округа, он открыл проржавевший кран, откуда полилась тепло-горячая коричневатая вода.

Отмыв кое-как лицо и руки от слоев песка и пыли, он посмотрел на себя в зеркало – это стало последней каплей для его психики и мировоззрения – Он увидел не себя, а худого запыленного сутулого старика. Он пытался представить себя в пиджаке, лакированных туфлях и с золотыми часами на руке. Это бы выглядело так смешно и нелепо, что он тотчас отбросил эти мысли.

– Юго-восточный округ. Следующий! – громко скомандовал военрук, протягивая Савелию военный билет и счетчик.

– Господин военрук, так я с Центрального. – ответил Сава.

– Сам как-нибудь. Только смежные округа. – отрывисто ответил военрук.

С момента выдачи ему билета до момента высадки на приграничной территории Юго-восточного округа прошло не больше пяти часов. В неопрятной затасканной форме, пыльных сапогах и с растерянным взглядом он стоял на вокзале, пытаясь увидеть хоть одно знакомое лицо. Его братьев по окопу встречали семьи, дети и родители. Радовались и плакали. А Сава на вокзале встречала только его родная Великая Экономика...

15 июня, такси, вокзал, льготный билет, поезд по Центрального округа, опять такси... Сава стоял на пороге своей просторной, хорошо обставленной квартиры и не знал, куда себя деть. Он так надеялся, что почувствует облегчение или что-то вроде того, когда придет домой, но этого не произошло. Он чувствовал себя чужим, промокшим котом, который пытается урвать кусок колбасы со стола. Спустя неделю скитаний в четырех стенах он даже хотел позвонить Пьеру, которому он бы доверил свое состояние без раздумий, но почему-то не осмелился.

На улицах Сава наивно заглядывал прохожим в глаза, как будто спрашивая совета «Что ему делать?». Юридически, на бумаге, он был не просто своим, а одним из лучших частичек огромного Экономического общества – он обладал ценными знаниями, накоплениями, вещами, украшениями, поклонялся Субботам и многое-многое другое, что делало его

одним из лучших. Но по факту, он сам перестал осознавать ценность этих накоплений. Единственное мерило – это его силы, которые он потратил на квартиру-машину. Эти вещи показывали всем остальным и ему самому, сколько он в номинале всего сделал для Великой Экономики.

Сейчас же, ему нужна хоть одна рука, которая втянет его обратно в густой поток Родуена. Почему бы ему просто не пойти на работу – сложно. Он, ведь, статусом своим дорожил больше, чем кабриолетом, и осознавал, что был ударником и передовиком, а сейчас он, потасканный и голодный, придет таким в офис, повключается в процесс неделю-две, а потом его заменит более активный и адаптированный к нынешним реалиям сотрудник. Если еще не заменил...

В итоге, через пару недель он последний раз закрыл свою квартиру ключом и пошел в отделение Мохэк номер 329ЦО, чтобы заложить квартиру на счет Государства за Родуены. Он бы мог ее выкупить позже с наценкой, но был уверен, что это не понадобится.

Бросить все – значит обесценить свои же труды, поэтому квартиру он превратил в Родуены, любимые вещи собрал в чемодан, счетчик нацепил на руку. Осталось понять, что делать с его любимым оранжевым кабриолетом? Не поедет же он на нем через весь округ и границу. Да и какой кабриолет в горах? Так, еще спустя несколько дней, ему за круглую сумму дали в руки точную копию его кабриолета, даже работающего на таком же, только уменьшенном, электромоторе.

На границе с Восточным округом ему не задали вопросов вообще, только строго осмотрели на предмет ввозимых товаров и отсутствие оружия. Поржали над его машинкой и пропустили. С этим кабриолетом он смотрелся так мило и смешно одновременно, что без слез не взглянешь. Без слез от смеха, разумеется.

Вообще в социуме Единого Государства милосердие и жалость к кому-то не очень приветствовались – считалось, что все беды от бедности (как бы это не пахивало тавтологией), а бедность в экономически развитом государстве победить проще простого, соответственно и бедных во всех смыслах в государстве не должно быть, а жалость к человеку – это клевета чистой воды. Так и получалось, что если даже люди и хотели обратить внимание на Саву, то боялись его этим оскорбить – круг замкнут. Поэтому различного рода жалости и слезы воспринимались как шутка и встречали в ответ только смех.

В Отделении документооборота 1185ВО он показал свои документы и военный билет, доказывающий, что у него еще есть почти полгода на поиск работы.

Выйдя из Отделения, он не обнаружил на пустом перекрестке ни одного автомобиля и такси, поэтому решил поехать на автобусе.

Он стоял на зеленом пригорке, обдуваемый морским холодным ветром, и вспоминал детство. Хоть эмоции и были Саве чужды (он считал, что самые большие ошибки в жиз-

ни совершают из-за них), сейчас он дал им вольную. Многое накопилось под маской взрослой жизни, в которой он жил Экономикой и Родуеном. Маска силы, независимости, самодостаточности и позитива отрывалась от него, как облицовка от сильного ветра.

Он был сейчас маленьким добрым Савкой, который искренне радуется мелочам жизни и бежит навстречу только лучшему. На такой волне он, чуть ли не вприпрыжку, двинулся вдоль береговой линии к лучшей жизни.

Глава 28. В неизвестном поселении

24 июня 79-го.

– Ян, а сколько твой манипулятор может поднять?

– Тонн пять-семь вывезет. – ответил новый знакомый Са-

вы.

– А ты можешь мне привезти вот те камни – вот оттуда на тот выступ? – Сава сопроводил пальцами свою просьбу.

– Давай, а сколько предложишь?

– Сколько попросишь.

– За двадцатку я еще и на стреле их попробую туда поднять с берега.

– Хорошо. За двадцать, так за двадцать. Поехали, тогда?

– Вот это разговор! Садись в кабину! – радовался Ян.

– И еще плиту вон ту давай еще захватим. – попросил Са-

ва.

– Это камень такой плоский.

– Тоже пойдет. Стой, а есть у вас в поселении кто-нибудь поздоровее?

– Конечно, мы с ними и возим обычно все и везде. Но с ними ты сам договаривайся. Подъехать к ним?

– Да, очень нужно.

Манипулятор Яна двинулся к небольшому дому, огороженному забором. Во дворе стояла каменная кузница, из ко-

торой летели искры и раздавались удары наковальни.

– Киря! Ки-иря! – прокричал Ян и несколько раз нажал на гудок.

– Оу! Че? – раздался крик из кузницы.

– Тут гражданину хорошему помочь нужно. За рудики!

– За рудики? – вышел крупный вспотевший от жара парень, почесывая бороду.

– Конечно! Супруге как раз в Большом городе сережки купишь, как поедем! – крикнул в окно Ян, подмигнув Саве.

– А скока? И что нужно?

– Да километрах в двадцати хижинку сваять из камней. Человек пять точно нужно.

– Хм... а большую? – спросил Киря.

– Правда, а большую хижину-то? – переспросил Ян у Савы.

– Да нет, там большая и не получится. Меньше кузницы этой.

– Да махонькую надо, Кирь!

– Скока платишь? – посмотрел на Саву Киря.

– Сколько попросите.

– Хорошее дельце. Давай по десятке на брата.

– Да ты что, Кирь? Сдурел что-ли? – Ян удивился наглости и вступился.

– Спины то не казенные!

– По семерке!

Киря почесал бороду, уставившись в землю.

– Давай по семерке! Ща парней позову...

К позднему вечеру Сава сидел в пустой построенной хижине, накрытой большим ковром, который ему подарил Ян «в честь новоселья, как говорится».

Глава 29. Продукты

– А откуда у тебя стол, картины и твой постамент? – спросил Пьер, дослушав историю Сава.

– Стол и постамент сделали те же парни на заказ. Рукастые. А картины я из квартиры еще забрал, свернул их в тубу.

– А зачем тебе здесь это все? – Пьер провел рукой по хижине, – Если ты хотел покоя.

– Так жизнь моя это...

– И как тебе в созерцании?

– Удивительно, Пьер! Тебе стоит попробовать!

– Сава, зачем ты поехал на войну-то?

– Честно говоря, по той же причине, по которой я был менеджером и стал бы старшим.

– По какой?

– Я не мог оставаться в стороне. Если Экономика, то зарабатывать, если покупать, то лучшее, если есть система, то я – ярый поклонник, а если уж война..., то автомат Ригерта.

– Ты, по-своему, прав...

– Прав – не прав. Неважно. К чему пришел? Вот это вопрос. Но теперь все лучше.

– Я рад за тебя, Сава. Искренне рад, что ты встал на этот путь и оказался здесь. Ты поступил очень смело! Ты здесь останешься?

– Да. Это то, что мне нужно.

– На работу сообщить?

– Да, конечно. Ты, ведь, за мной поехал... Дружище! –

Сава еще раз приобнял Пьера за плечо. – Если хочешь, оставайся! В моей если места не хватит, мы еще одну хижинку сваяем.

– Спасибо, Сава, но мне нужно возвращаться. Другая судьба. – щелкнул языком Пьер.

– Да, конечно. Я понимаю. Но ты ко мне можешь приезжать, когда захочешь.

– Спасибо, Сава! Мы обязательно еще встретимся.

– Не сомневаюсь.

***

Пьер вернулся переночевать в поселение к Иванычу поздним вечером. Иваныч был рад возвращению, ведь ему «старо-рику тут толком и поговорить не с кем». Как староста поселения, он пользовался уважением, но делиться опытом и историями по десятому кругу не хотелось ни ему, ни жителям. Как он сказал, «человеку нужен человек», поэтому любое новое знакомство приносит неподдельную радость. Пьер рассказал Иванычу про удачные поиски и Саву, на что он ответил:

– Тебе тоже нужна своя хижина – свой уголок. На самом-то деле, к людям ты открыт, но они, в большинстве своем, закрылись от тебя за этим вашим маркетингом.

– Да, скорее. Но у меня есть своя квартира и книги.

– Это не то всё, Пьер. Езжай туда, куда тебя зовет душа уже так долго, поверь старику.

– А если там не будет того, чего я жду?

– А если бы здесь не оказалось твоего друга, ты бы расстроился. Но ты бы пожалел о том, что приехал сюда?

– Нет конечно!

– Дорога под ногами идущего. Не топчись только на буквах книг. Пора идти. Пока у тебя есть возможность переместиться в Восточный округ, у тебя есть выбор. Заехать стоило бы, даже если ты там не найдешь то, что нужно.

Глава 30. Черный, серый, белый

После долгого пути с поселения, Пьер неспешно подходил к центру площади около Кайласа, осматриваясь по сторонам и выискивая дом Рахулы.

Вокруг в основном стояли серые хижинки, а у Рахулы был выделяющийся небольшой белый домик. В доме никого не было, горело много свечей, висела тхангка с изображением монаха. Пьер пригляделся к ней и узнал в нем Рахулу.

– На себя любитесь что-ли? – подумал Пьер. – где же он?

Он вышел на улицу, и у первого встречного монаха спросил: «Здравствуйте. Я ищу друга Рахулу. Он живет в этом доме. Вы не знаете, где он?». Монах молча взял Пьера под руку, завел обратно в дом и показал на тхангку.

«Спасибо. А в жизни где он сейчас? На площади?» – спросил громче Пьер.

Монах усмехнулся, показал на Кайлас, поклонился и ушел. Пьер почувствовал, что спросил что-то не то. Он встал на пороге дома и смотрел на Кайлас.

Прозвучал голос Рахулы: «Сейчас можно. Можешь подойти, но тебе нужно будет переговорить кое с кем».

– Рахула! Это ты! – Пьер развернулся, но никого не увидел – Где ты?

– Я там, куда ты и шел.

– Так ты не существуешь?

– Почему это? Ты же меня слышишь? Значит существую.

– Рахула, мне так много стоит тебе рассказать!

В ответ была тишина.

Он подошел к центру площади и снова спросил у случайного прохожего:

– Вы знаете Рахулу?

– Конечно. Это был его дом.

– А где он сейчас?

– Там, куда все мы стремимся.

– Это куда?

– В просвещение, мой друг. Архат Рахула оберегает нашу общину. На закате он выходит к нам с Великим Пробудившимся отцом и настраивает ход времени, чтобы мы следующий день провели в гармонии.

– Спасибо большое. – ответил Пьер.

– Пожалуйста, мой друг. Найти ты его можешь здесь. До свидания.

Пьер сложил свой рюкзак, снял куртку и пошел на Кайлас.

«И есть, и нет... Кот, блин, Шредингера» – подумал он.

«Ты на верном пути Пьер. Заходи на Кайлас.» – прозвучал голос Рахулы.

Восхождение на Кайлас было легче, чем на горы Сахалина, как будто Пьеру что-то помогало извне. Он буквально парил вверх, а ноги с каждым шагом все меньше чувствовали напряжение. Через минуты он уже был у вершины горы.

– Рахула, а с кем мне нужно будет встретиться? Ты говорил... – начал спрашивать Пьер.

Из воздуха прямо перед Пьером появился жуткий на вид человек с глазом на лбу, ожерельем из змей и тигровым поясом. Вокруг человека или... существа... пылал огонь.

Он громко спросил рычащим булькающим голосом:

«Путник! Зачем ты вошел на священную гору. Куда ты следуешь?»

Пьер очень испугался, но решил, что бежать обратно смысла нет – видимо, не успеет. К тому же, его пригласил Рахула. Пьер ответил:

– Я следую к Рахуле.

– Зачем ты следуешь к Рахуле?

– Он мой друг. Мой путь к нему был очень долгим. Сегодня он меня позвал на вершину Кайласа.

– Знаешь ли ты, кто я, что осмеливаешься мне так отвечать?

– Не знаю!

– С какими намерениями ты идешь туда?

– С самыми благими!

Раздался голос Рахулы: «Ваджарапани, это действительно мой друг, проделавший долгий путь во имя добра».

«Хорошо. Ваджарапани пускает тебя, путник.» – обратился трехглазый к Пьеру.

Пьер двинулся дальше вверх, и уже на подходе к вершине увидел знакомое очертание Рахулы, стоящего рядом с Мона-

хом. Пьер крикнул, ускорив шаг:

– Рахула! Здравствуй!

– Здравствуй, мой друг Пьер!

– Я нашел тебя! Как я рад!

– Я тоже рад, Пьер! Ты не испугался Ваджарапани?

– Испугался, но подумал, что убежать не буду.

– Правильно. Убежит лишь тот, кто несет в своем сердце зло и неверие.

Монах стоял рядом с Рахулой, молчал и улыбался, смотря на Пьера.

– Ты так и не нашел ответ на свой вопрос? – спросил Рахула.

– Конкретного ответа я, конечно, не услышал. Но понял, что одна из истин, что человеку нужен человек.

– Главная истина и смысл жизни состоит в том, чтобы делать мир добрее и уравновешеннее. Главное – это нести в сердце добро. Пронося добро, ты ощутишь истинный вкус жизни и забудешь о скитаниях. – произнес Монах, смотря в глаза Пьеру.

– Ты искал его, Пьер. Это мой отец – Сиддхартха. Я – сын Просветленного – Рахула. Если бы ты получил этот ответ с первой нашей встречи, то не осознал бы его смысл. Не так ли?

– Да, верно, Рахула.

– Посмотри назад, Пьер.

Пьер развернулся и увидел совершенно не то, что ожидал.

Поселения и склона горы уже не было. Он увидел Мир, но будто на большой карте в режиме online.

– Это Мир, в котором мы живем сейчас. Ты живешь. Видишь людей? Приглядишься. – сказал тихо Рахула.

– Вижу. Как их много!

– Много. А видишь, некоторые светятся белым, некоторые серым, а некоторые черным?

– Да, вижу.

– Белый цвет у людей со светлым сердцем, как у тебя сейчас. Черный цвет у людей со злым сердцем, которые не ведают пока, что творят. Но они обязательно дойдут до просветления. Я верю в людей. А серый цвет у людей, которые потерялись. У них ни доброе, ни злое сердце, а пока пустое. Эти люди – скитальцы, они ищут, но пока не понимая зачем. Такой цвет был у тебя. Ты вышел из скитаний и поисков и поехал искать друга ради чего? Ради истины?

– Нет. Я просто переживал за него.

– Милосердие спасет наш Мир. Милосердие. Когда ты искал своего друга, ты начал светиться все белее и белее. Когда же ты нашел его, сердце твое обрело покой от того, что ты сделал так, как должен был и достиг благородной цели.

– Рахула, а какой цвет сердца у Савелия – моего друга?

– Сейчас посмотрим... Видишь? Вот он. Пока он светится серым. Он думает, что нашел покой, но это неверно. Ты был прав, что не искал покой в материальном, но тебе нужно было это доказать самому себе.

– А ты можешь влиять на людей?

– Нет, к счастью. Это люди, а не марионетки. Они должны сами обретать милосердие и покой.

– А когда все станут милосердны и обретут покой. Что тогда?

– Тогда все мы перейдем в паринирвану и откажемся от необходимости насущного, став одним большим белым шаром, состояние в котором я описать не смогу, но это – единственная верная великая цель бытия человека. Нам откроется то чувство, которое мы не испытаем ни при жизни, ни в нирване. Тебе сейчас лучше?

– Да, дорогой Рахула. Намного лучше.

Пьер сидел в позе лотоса и наблюдал за белыми, серыми и черными людьми. Каждый раз, когда человек начинал задумываться о смысле действий и поступать осознанно, а не под действием жажды наживы, – его цвет менялся с черного на серый. Когда он прекращал поиски, и сердце его наполнялось любовью к ближнему, то цвет менялся с серого на белый. С каждой переменной цвета на более светлый, Пьер ощущал прилив тех сил добра, которыми обладал сейчас.

Добрые мои друзья, будьте милосерднее. – произнес Пьер и погрузился в нирвану.

Примечания и комментарии

1. Пяньи – с китайского языка Píányi означает «дешевый».

2. Момо – блюдо Тибетской кухни из теста с начинкой, наподобие русских пельменей.

3. День Юпитера – Согласно Тибетскому календарю, в честь Юпитера назван четверг – gza' phur bu («за пурпу»)

4. Префект – от латинского слова Praefectus – «начальник, командующий».

5. Коннектиться – от английского слова Connect – «Соединять»

6. Мажордом – от латинского словосочетания «Major domus» – «старший по двору, управляющий хозяйством»

7. Manager – английское слово – менеджер, управляющий

8. Джампер – от английского слова Jumper – прыгун. Так называют работника, который часто меняет работу и должность.

9. ИПЩ – Индивидуальный плазменный щит. Терминология Единого Государства.

10. Награничник. По мнению Правления страны, боец СЕКРЕЗ, служащий на границе между округами должен именоваться «Награничник»

11. Хаб от английского слова hub – «ступица колеса, центр» – в общем смысле, узел какой-то сети.

12.Тхангка с тибетского языка означает свиток.